ДЖЕЙМС КОРИ

ВОССТАНИЕ ПЕРСЕПОЛИСА

JAMES S. A. COREY
PERSEPOLIS RISING

Джеймс С. А. Кори

Восстание Персеполиса

Серия «Пространство», книга 7

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66402700
Восстание Персеполиса: Союз; Москва; 2021

Аннотация

Человечество продвинулось далеко в глубины космоса. Огромные врата открыли путь к звездным системам, куда на покорение новых миров отправились тысячи колонистов. Боевой корабль «Росинант», под командованием Джеймса Холдена, занят важной миссией по поддержанию хрупкого мира. Тем временем Внутренние планеты объединились и создали в огромном пространстве между Землей и Юпитером зыбкий альянс, к сожалению, так и не избавившийся от памяти прошлых войн и предрассудков. Поэтому вновь обретенный долгожданный мир в очередной раз рушится, когда в извечной войне за господство сталкиваются новые и старые технологии, а затаившийся враг пытается воплотить в жизнь свои представления о будущем человечества.

Содержание

Пролог 5
Глава 1 20
Глава 2 34
Глава 3 47
Глава 4 60
Глава 5 74
Глава 6 88
Глава 7 101
Глава 8 114
Глава 9 132
Глава 10 145
Глава 11 158
Глава 12 171
Конец ознакомительного фрагмента. 182

Джеймс Кори
Восстание Персеполиса

Доктору Шэнку
С нами всегда было непросто

James S. A. Corey
Persepolis Rising

* * *

© Перевод с английского, Галина Соловьёва
© ИП Воробьёв В. А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

Пролог
Кортасар

Без малого три десятка лет миновало с тех пор, как Паоло Кортасар с флотом беглецов прошел врата Лаконии. Хватило времени построить небольшую цивилизацию, город, культуру. Хватило времени убедиться, что инженеры чужаков предназначали протомолекулу в мостостроители. Они забросили ее в пространство как семя – пусть прорастает на любой подвернувшейся органике и создает врата-кольца, маленькую вселенную, ступицу колеса миров. До их гибели медленная зона с ее кольцами была сердцем империи, превосходящей человеческое воображение. И станет ею снова. Маленький механизм для постройки мостов вывел человечество на простор, изменил все.

Не то чтобы Паоло интересовало человечество в целом. Ему все заслонила протомолекула и открытые ею технологии. Протомолекула изменила не только окружающую вселенную, но и самого Кортасара, его профессию. Десятки лет им владела одна мания. Последний его любовник в ссоре, которая привела к разрыву отношений, кричал, что Паоло *влюблен* в протомолекулу.

Спорить не приходилось. Паоло так давно не испытывал ничего похожего на любовь к человеческому существу, что

забыл, каково это. Все его время занимала протомолекула и мириады выросших из нее научных прозрений.

Целой жизни не хватит разобраться, как она взаимодействует с другими артефактами и технологиями чужаков. Паоло не оправдывался за свою страсть. Знание, выраставшее из этого крохотного и прекрасного семечка, было подобно вечно расцветающему розовому бутону. Ничего прекраснее никогда не существовало и не могло существовать. Любовник не сумел такого принять, а значит, их разрыв был неизбежен – задним числом это очевидно. Паоло по нему скучал – довольно абстрактно. Как скучают по паре сношенных ботинок.

Но в его жизни нашлось так много других чудес.

На экране разрасталось углеродное кружево, разворачивалось в сложные затейливые узоры. При подходящих условиях и среде роста протомолекула по умолчанию начинала строить такие кружева. Получившийся материал оказывался легче карбонного волокна и прочнее графена. Отдел технологии при военсовете Лаконии просил изучить возможности его применения для пехотной брони. С инженерной точки зрения склонность пленки вступать в устойчивую связь с кожей человека вызывала затруднения, но как это было красиво!

Паоло подправил чувствительность электронного потока и плечами подался к монитору, наблюдая, как протомолекула подхватывает свободные атомы углерода и аккуратно, как

увлеченный игрой ребенок, вплетает их в сеть.

– Доктор Кортасар…

Паоло в ответ только хмыкнул, отмахнувшись – на любом языке этот жест говорил: «Подите прочь, я занят».

– Доктор Кортасар! – Второй раз это прозвучало настойчивей.

Паоло оторвался от экрана, оглянулся. Бледнокожая личность неопределенного пола в лабораторном халате, с большим ручным терминалом в руках. Кажется, Катон? Или Кантон? Кантор? Что-то в этом роде. Один из армии лаборантов. Помнится, компетентный. Но за то, что сейчас оторвал от работы, ему достанется. Судя по нервозности Катона-Кантора-Кантона, тот это прекрасно понимал.

Лаборант, не дав ему слова сказать, заспешил:

– Директор просил вам напомнить, что у вас встреча. С… – он понизил голос почти до шепота, – с ним. С Ним.

Речь шла не о директоре. «Он» с большой буквы мог означать только одного человека.

Паоло выключил дисплей и, убедившись, что мониторинг записывается, встал.

– Да, конечно, – сказал он. И, в порядке работы над собой, добавил: – Спасибо. Кантор?

– Катон, – с облегчением отозвался лаборант.

– Конечно. Передайте директору, что уже иду.

– Мне велено вас проводить, доктор. – Катон постукивал по сенсорам терминала, словно искал этот пункт в списке.

– Конечно. – Паоло стянул пиджак с вешалки у двери и вышел.

Лаборатория биоинженерии и наноинформатики при Лаконском университете была крупнейшей на планете. А возможно, и в пределах всего человечества. Университетский кампус раскинулся на добрых сорок гектаров столичной земли. И четверть его площади занимала лаборатория. Все на Лаконии строилось на вырост, больше, чем нужно из расчета нынешнего населения. Для будущих поколений.

Паоло торопливо шагал по гравийной дорожке, поглядывая на ходу в нарукавный монитор. Катон поспешал за ним вприпрыжку.

– Доктор, – позвал лаборант, указывая в обратную сторону, – я подогнал вам карт. На парковку С.

– Перегоните к боксу, у меня там еще одно дело.

Катон помедлил, разрываясь между прямым приказом и ответственностью чичероне.

– Да, доктор, – и он убежал за машиной.

Паоло, не замедляя шага, пролистал список дел на день, убедился, что ничего не забыл, и, одернув рукав, поднял глаза к небу. День был хорош. Лаконская небесная лазурь с редкими ватками облаков. Явственно просматривались массивные структуры орбитальной строительной платформы, длинные выросты штанг и пустоты между ними напоминали огромную схему олигонуклеотида.

Тихий ветерок донес запах горелого пластика: местный

аналог грибов разбросал то, что у него сходило за споры. Тот же ветерок перекинул через тропинку длинные плети дудки. Хрустики – занимавшие здесь ту же экологическую нишу, что и земные сверчки, и даже морфологически на них похожие – зашипели на проходящего мимо человека. Паоло понятия не имел, отчего растение назвали «дудкой». Если на то пошло, оно больше напоминало вербу. А обзывать хрустиками подобие четырехногих сверчков – еще глупее. В наименования местной флоры и фауны ученые не вмешивались. Имена раздавались наугад, пока не достигался консенсус. Паоло это раздражало.

Бокс выделялся среди зданий лаборатории. Его стены составляли сплошные пластины ударопрочной брони, сваренные под прямым углом в темный металлический куб со стороной двадцать пять метров. У единственного входа стояли по стойке смирно четверо солдат в легком снаряжении и с винтовками.

– Доктор Кортасар, – поздоровался один, протягивая руку универсальным жестом: «Стой!»

Паоло вытащил из-под рубашки подвешенное на шнурке удостоверение и протянул охраннику, чтобы тот вставил его в ридер. Затем солдат приложил ридер к запястью Паоло.

– Хороший денек, – любезно заметил он, пока машинка сравнивала удостоверение с метриками организма и составом белков.

– Хороший, – согласился Паоло.

Машинка звякнула, подтверждая, что он и вправду Паоло Кортасар, президент Лаконского университета и глава кафедры экзобиологии. Солдат знал ученого в лицо, но для соблюдения ритуала имелось множество оснований. Дверь поехала в сторону, четверо охранников отступили с дороги.

– Всего хорошего, доктор.

– Вам также, – бросил Паоло, входя в шлюз.

Стена зашипела, обдавая его воздухом из сопел. Сенсоры на противоположной стене улавливали молекулы взрывчатых веществ, инфекции, а может, и дурные намерения.

Очень скоро шипение прекратилось, внутренняя дверь отошла в сторону. И только тогда Паоло услышал стоны.

Бокс – так все называли этот куб, хотя официального имени у него не было – не зря уступал в уровне безопасности лишь одному зданию на Лаконии. Паоло держал здесь свое молочное стадо.

Название закрепилось после давней ссоры с отставным любовником. Тот хотел его оскорбить, но сравнение получилось точным. В боксе доживали остаток жизни люди и животные, преднамеренно зараженные протомолекулой. Как только инопланетная нанотехнология присваивала их клетки и начинала воспроизводиться, Паоло получал возможность выкачивать жидкости из зараженных тел и отфильтровывать из тканей матрицы все необходимое. Использованные тела можно было кремировать, не теряя ничего существенного. Здесь имелось двадцать четыре отсека, но в данный момент

заняты были всего семнадцать. Когда популяция возрастет, больше станет и материала.

Великие замыслы Лаконии опирались на технологии, оставленные после себя чужаками. Хотя протомолекула не задумывалась как универсальный контролирующий интерфейс, некоторые модификации позволяли использовать ее в таком качестве. В обязанности Паоло входила поставка активных образцов. В числе прочего.

По дороге к расположенному в глубине здания кабинету он задержался на мостках через один из отсеков. Внизу вдоль помятых металлических стен бродило полдюжины человек на ранних стадиях инфекции. Эти еще пребывали в фазе псевдогеморрагической лихорадки – лаборанты звали таких «блевунами». Они только и могли, что шаркать по отсеку, периодически заливая его рвотой. Так протомолекула обеспечивала себе быстрое распространение. Освободив отсек от тел, стены и полы продезинфицируют пламенем горелки.

В истории лаборатории значился лишь один случай непреднамеренного заражения, и Паоло не собирался допускать новых.

Глава бокса, заместитель Паоло, доктор Очида, завидев его издалека, бросился навстречу.

– Паоло! – Очида дружески хлопнул начальника по плечу. – Очень вовремя. Мы час как закончили извлечение стволовых культур, инъекции почти готовы.

– Этот мне знаком? – заметил Паоло, кивнув на волосатого, мускулистого мужчину в отсеке.

– М-м? А, этот… кажется, он из охраны. В сопроводительных документах значилось: «служебная халатность».

Может, заснул на посту?

– Ты их проверил? – спросил Паоло.

Волосач в клетке его не особо интересовал, ответ Очиды вполне удовлетворил любопытство.

Очида не сразу сообразил, что вопрос возвращает их к прежней теме.

– О, да. Образцы я проверил трижды. Лично.

– Я отсюда прямо в государственный совет. – Паоло обернулся, чтобы заглянуть Очиде в глаза.

Ассистент отлично знал, о чем речь.

– Понимаю. Инъекции полностью соответствуют заданной вами спецификации.

Оба хорошо понимали: случись что, они сами окажутся в боксе. Они ценные сотрудники, но ответственность их не обойдет. Она не обходит никого. Это Лакония.

– Отлично. – Паоло улыбнулся с дружелюбием, которого в себе не находил. – Я их сейчас и заберу.

Очида махнул кому-то в угловой комнате – подбежала лаборантка с серебристым металлическим чемоданчиком.

Передав его Паоло, она сразу ушла.

– Что-нибудь еще? – спросил Очида.

– Прорастают поразительно быстро. – Паоло указал на ко-

стяной шип, торчащий из позвоночника волосатого мужчины.

– Да, – согласился Очида, – почти созрели.

* * *

Издавна работая с Уинстоном Дуарте, Паоло находил в нем много достойных восхищения черт. Верховный консул был умен, поразительно быстро схватывал суть сложнейших вопросов и при этом сохранял взвешенность и продуманность решений. Дуарте ценил чужие советы, но, собрав всю информацию, проявлял решительность и твердость. Он обладал теплой харизмой, и никто не ловил его на фальши или неискренности.

Но больше всего Паоло ценил в нем простоту. Человек меньшего масштаба, попав на пост абсолютного военного диктатора целой планеты, окружил бы себя помпезным блеском. А Дуарте построил здание государственного совета Лаконии. Тяжеловесное каменное строение возвышалось над столицей, но умудрялось выглядеть скорее уютным, нежели устрашающим. Его надежность и простор наводили на мысль, что там идет важная работа, решаются серьезные проблемы. И никто в нем не возвеличивает самое себя.

Катон подвез Паоло к парадным дверям. Их маленький карт был единственным на широкой улице. Дорога упиралась в высокую каменную стену, в узкие ворота с постом

охраны. Выбравшись из карта, Паоло прихватил блестящий чемоданчик.

– Ждать меня не надо, – обронил он.

Лаборант, с тех пор как подобрал его у бокса, не заговаривал и обрадовался разрешению удалиться.

– Да, доктор. Звоните, если…

Но Паоло уже отошел. За спиной взвизгнул электромотор отъезжающего карта.

Узкие ворота открылись, и двое солдат с поста молча пристроились к Паоло по бокам. Они не походили на легко вооруженную охрану бокса. На этих была силовая броня из композитных пластин и разнообразное оружие. Синий цвет их снаряжения соответствовал цвету лаконского флага, и украшала его та же пара стилизованных крыльев. Феникса, как считал Паоло, хотя они могли принадлежать и любой хищной птице. Смертоносная военная машинерия плохо вязалась с этим приятным для глаз цветом. Единственными звуками, сопровождавшими всех троих на пути к дверям здания, были их шаги по мостовой двора и тихое гудение силовой брони.

У дверей охранники оставили Паоло и разошлись по сторонам. Паоло почудился щелчок рентгеновского аппарата – миллиметровые волны ощупали его с головы до пят. После долгой паузы один из солдат подал голос:

– Верховный консул ждет вас в медицинском крыле, – после чего охранники развернулись и ушли к воротам.

* * *

– Строго говоря, да, сновидения прекратились, – рассказывал Дуарте, пока Паоло подключал катетер к его локтевой вене и вставлял трубку. Он привык к тому, что Дуарте старается отвлечься, чтобы не смотреть на входящую в тело иглу. Как трогательно: самый могущественный человек во вселенной побаивается уколов!

– В самом деле? – Это был не праздный вопрос. Необходимо отслеживать побочные действия небывалого эксперимента. – Давно?

Дуарте вздохнул и прикрыл глаза. То ли уже подействовала релаксирующая микстура в крови, то ли вспоминал точную дату, то ли то и другое вместе.

– Последний раз я видел сон одиннадцать дней назад.

– Уверены?

– Да, – не открывая глаз, улыбнулся Дуарте. – Уверен. Я в последний раз спал одиннадцать дней назад.

Паоло чуть не выронил трубку капельницы.

– Вы не спали одиннадцать суток?

Дуарте наконец открыл глаза.

– Я совсем не чувствую себя усталым. Наоборот. С каждым днем ощущаю себя здоровее и энергичнее. Это, конечно, побочный эффект.

Паоло кивнул, хотя такого он не предвидел. В животе за-

ворочалось беспокойство. Если возникают сюрпризы подобного масштаба, что еще может произойти? Он уговаривал Дуарте дождаться уточненных данных, но разве этого человека остановишь, когда он рвется вперед?

– Вижу, как вы смотрите, дружище, – еще шире улыбнулся Дуарте. – Не стоит волноваться. Я сам веду наблюдения. Будь что-то не в порядке, позвонил бы вам еще на прошлой неделе. Но самочувствие фантастическое, никакой интоксикации утомления, и анализы крови показывают отсутствие психотизации. А у меня теперь остаются лишние восемь часов в сутки на работу. Я счастлив как никогда.

– Конечно, – промычал Паоло. Он уже подключил к системе состав с культурой человеческих стволовых клеток, модифицированных протомолекулой. Дуарте тихонько ахнул, когда охлажденная жидкость потекла в вену. – Но прошу вас не забывать: такие подробности нужно сообщать сразу, даже если они вас не беспокоят. Опыты на животных никогда не дают полной картины, а из людей вы первый испытываете состав на себе. Отслеживание его воздействия чрезвычайно важно для…

– Буду сообщать, – перебил Дуарте. – Я нисколько не сомневаюсь, что ваша лаборатория все проделала как положено. Но скажу личному врачу, чтобы он пересылал вам ежедневные наблюдения.

– Благодарю вас, верховный консул, – отозвался Паоло. – Я возьму у вас кровь, дам своим людям на проверку. На вся-

кий случай.

– Делайте все, что считаете нужным, – разрешил Дуарте, – только наедине, пожалуйста, не зовите меня «верховным консулом». Хватит и «Уинстона». – Говорил он не совсем внятно, седативные начали действовать. – Я хочу, чтобы все мы трудились сообща.

– Мы и трудимся сообща. Но телу нужен мозг. Лидер, да? – Когда мешок капельницы опустел, Паоло из той же иглы набрал немного крови и спрятал образец в металлический чемоданчик, после чего перешел к полному сканированию тела. Организм Дуарте уже начал отращивать новые органы, разработанные передовыми физиологами планеты на основе уроков, извлеченных из вечного цветения протомолекулы. Но слишком многое могло пойти не так, поэтому главной работой Паоло был контроль изменений в теле Дуарте. При всей его теплоте и искреннем дружелюбии, случись что с правителем Лаконии, Паоло проживет недолго. Связав безопасность Кортасара с собственной безопасностью, верховный консул обеспечил неподдельное усердие ученых. Оба это понимали, без обид. Казнь Паоло не была бы даже наказанием. Просто напрашивающейся мерой по предотвращению смерти пациента.

Пожалуй, более честных отношений в жизни Паоло не случалось.

– Знаете, Уинстон, процесс ведь будет долгим. Мелкие нарушения равновесия могут сказаться только через годы.

Или десятилетия.

– Или века, – кивнув, подхватил Дуарте. – Совершенство недостижимо, я понимаю. Но мы делаем что можем. И нет, дружище, простите, но я не передумал.

Паоло задался вопросом, не входит ли в число побочных эффектов способность к чтению мыслей. Если так… это было бы любопытно.

– Я не намекаю, что…

– Что вам тоже следует испытать средство на себе? – опять перебил его Дуарте. – Конечно, намекаете. Вы и должны так думать. Доказывать всеми силами. Сомневаюсь, что вам удастся меня переубедить, хотя мне бы очень этого хотелось.

Паоло потупился, избегая взгляда Дуарте. Ему было бы легче принять вызов. Тоска в голосе правителя тревожила его, потому что не поддавалась объяснению.

– Какая ирония! – продолжал Дуарте. – Я всегда отвергал идею великой личности. Веру, что историю человечества определяют не общественные силы, а отдельные индивиды. Звучит романтично, однако… – Он вяло помахал рукой, словно разгоняя туман. – Демографические тренды, экономические циклы, технический прогресс… Все это значит много больше, чем отдельная личность. И вот я… Поймите, я бы взял вас с собой, если бы можно было. Тут решаю не я. Это выбор истории.

– Истории следовало бы передумать, – сказал Паоло.

Дуарте хихикнул.

– Между нулем и единицей разница в чудо. Но она чудом и останется. А доведите ее до двух, трех, сотни – возникнет очередная олигархия. Вечный двигатель неравенства породит войны, с которыми мы стремимся покончить.

Паоло издал невнятный звук, который можно было по ошибке принять за согласие.

– Лучшими правителями в истории бывали короли и императоры, – вел свое Дуарте. – И худшими тоже. Король-философ за время жизни способен совершить великие дела. А его внук может пустить все на ветер.

Дуарте крякнул, почувствовав, как игла катетера выходит из вены. Паоло не стал прикрывать ранку – отверстие затянулось сразу, не выпустив ни капли крови. Даже следа не осталось.

– Если хочешь создать долговечное, стабильное общество, – заключил Дуарте, – в нем может быть только один бессмертный на веки веков.

Глава 1
Драммер

Жилое кольцо перевалочной станции Лагранж-5 в три раза превосходило диаметром то, в котором полжизни назад Драммер жила на Тихо. Размером ПСЛ-5 тянула на маленький городок, а в остальном те же стены под мрамор в мягком освещении полного спектра, те же койки-амортизаторы и душевые с водоснабжением. Воздух вечно попахивал терпенами: не станция, а самая огромная на свете хризантема. Центральный купол располагал причалами на сотни кораблей, а чтобы заполнить склады, пришлось бы выжать Землю, как питьевую грушу. Все причалы и склады сейчас простаивали, но только до завтра. Завтра ПСЛ-5 приступала к работе, и Драммер, вопреки усталости и досаде на необходимость тащиться через всю систему, чтобы перерезать ленточку, ждала открытия не без волнения. Мать-Земля после трех десятилетий борьбы за выживание снова в деле.

Планета мерцала на стенном экране в завитушках высотных облаков и проблесках все еще зеленоватого океана. Подползал терминатор, натягивал за собой одеяло темноты с огоньками городов. Вокруг плавали корабли коалиции Земля – Марс – темные точки, разбросанные над воздушным океаном. Драммер не особо любила бывать внизу, а теперь,

после подписания договора от лица Союза, и не побывает. Оно и к лучшему. И без того колени порой дают о себе знать. Но как художественный объект Терра была практически вне конкуренции. Человечество всеми средствами норовило покончить с яйцом, из которого проклюнулось. Перенаселение, безжалостная эксплуатация, загрязнение океана и атмосферы, а под занавес военный удар – три метеоритные атаки, из которых любой хватило бы покончить с динозаврами. Но Земля выстояла – как солдат. Вся в шрамах, разбитая, но восстановила репутацию, отстроилась, ожила.

Считается, что время лечит любые раны. Драммер понимала это так, что, если подольше подождать, все, что казалось ей важным, сотрется. Во всяком случае, станет не так важно.

Время, и опыт незавершенного терраформирования Марса, и беспощадное управление политическим сектором Земли, и огромный рынок – тысяча триста миров, нуждающихся в биосубстратах, чтобы растить на них съедобную для человека пищу – все это мало-помалу вытянуло, оживило Землю.

Система тренькнула – деликатно, тихонько, словно переломили бамбуковую палочку. За звонком прозвучал голос ее секретаря – как глоток виски:

– Мадам президент?

– Минутку, Воган, – попросила она.

– Да, мэм. Но генеральный секретарь Ли хотел бы поговорить с вами до церемонии.

– Коалиция Земля – Марс потерпит до распития коктейлей. Я не для того открываю станцию, чтобы подскакивать на каждый чих КЗМ. Нечего приучать.

– Учел. Я все улажу.

Система снова глухо звякнула, сообщая, что ее оставили в покое. Драммер откинулась на спинку стула, рассматривая картинки, вделанные в стену позади стола. Все президенты Союза перевозчиков подряд: Мичо Па, за ней Тьон, Вокер, Санджрани и, наконец, ее худое суровое лицо. Она терпеть не могла этого снимка. Выглядела на нем, словно наелась кислятины. Но предыдущий вариант походил на фото с форума одиноких сердец. Здесь хоть какое-то достоинство просматривается.

Большинство членов Союза перевозчиков только по этому фото ее и знали. Тринадцать сотен миров, и через десяток лет чуть не на каждом появятся такие станции. Свободные зоны, отмечающие пузырек пространства, где кончается юрисдикция планеты и начинается власть Союза. Все, что требуется колониям от родины человечества и друг от друга, поднимают из гравитационных колодцев. Вот в чем была беда внутряков. Перевозками из системы в систему распоряжались астеры. Устаревшие термины: внутряки, астеры. Держатся, потому что язык меняется медленнее, чем реальность.

Коалиция Земля – Марс была когда-то ядром человечества – внутряками из внутряков. Теперь она – важная спица

в колесе, но ступицей стала станция Медина. Сфера чужаков посреди вне-пространства, связывающего кольца-врата. Там Драммер, когда не посещает космические города, держит свой штаб. Там ждет Саба, если не летит вместе с ней. Станция Медина – ее дом.

И все-таки даже для нее черно-голубой диск Земли на экране – тоже дом. Возможно, так было не всегда. Уже доросли до возраста голосования дети, не знающие, как это: иметь одно-единственное солнце. Ей не представить, что для них означают слова Земля, Марс, Сол. Может быть, атавистическая грусть, живущая у нее за грудиной, вымрет вместе с ее поколением.

А может, она просто устала, вот и чудит, и надо всего лишь выспаться.

Снова щелкнула бамбучина.

– Мэм?

– Иду.

– Да, мэм. Но у нас срочное сообщение от диспетчера Медины.

Драммер подалась вперед, остудила ладони прохладной столешницей. Дерьмо! Дерьмо-дерьмо-дерьмо.

– Опять пропажа?

– Нет, мэм. Корабли не пропадали.

Ужас чуть отпустил ее. Но не совсем.

– Тогда что?

– Сообщают о внеплановом переходе. Грузовик без транс-

пондера.

– Серьезно? – удивилась она. – Они что, думали, мы не заметим?

– Ничего не могу сказать, – ответил Воган.

Драммер вывела на экран административные данные по Медине. Ей и здесь были доступны все сведения по ее владениям: контроль движения, состояние среды, выход энергии, данные сенсоров по всем участкам электромагнитного спектра. Только вот все это из-за светового лага устаревало на четыре с лишним часа. Любой отданный ею приказ будет принят через восемь – восемь с половиной часов после запроса. Великий инопланетный разум, сконструировавший врата-кольца и оставивший величественные руины в системах за вратами, совладал с пространством, а вот скорость света осталась скоростью света, и, похоже, это навсегда.

Пролистав журнал, Драммер нашла нужную запись, включила воспроизведение.

«Говорит Медина. Прошу подтверждения» – обычный спокойный голос диспетчерской.

В ответ примешались помехи. Наводка от врат. «На подходе легкий грузовик „Дикая посадка“ с Кастилии, Медина. Передаем статус».

Выскочило новое окно. Статус легкого грузовика. Марсианский проект. Старый, но не устаревший. Диспетчерская отозвалась через несколько секунд.

«Визе бьен[1], „Дикая посадка“. Переход разрешаю. Код… черт! Отказ, „Дикая посадка“! Переход запрещен!»

Внезапный всплеск на кривой безопасности и красный сигнал тревоги. На табло управления Медины загорелся новый двигатель, конус в беззвездной темноте медленной зоны.

Все уже кончилось. Все произошло несколько часов назад, но у Драммер все равно частило сердце. Диспетчерская требовала от нового корабля назваться, ожили рельсовые пушки. Если бы они дали залп, на неопознанном корабле не осталось бы живых.

Всплеск на кривой выравнивался, отклонение, вызванное массой и энергией проходящего сквозь Кольцо корабля, сглаживалось, выходя на пороговое значение. Самозванец разворачивался, брал мощный разгон и нырял в другие врата, снова поднимая кривую следом своего бегства.

Диспетчерская бранилась на разных языках, рассылала приказы ждать трем находившимся на подходе кораблям. «Дикая посадка» молчала, но их система сообщала о жестком торможении, прерывающем переход через врата Кастилии.

Драммер отмотала назад, пустила аварийную ситуацию в обратном направлении. Безмозглый негодяй заходил с Фригольда к Оберону. Ушли, конечно. Всплеск излучения от

---

[1] Вижу вас хорошо (астерский сленг, в данном случае смесь немецкого и французского, в оригинале дается без перевода). – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

Оберона доказывал, что корабль проскочил. На волосок от критической точки, но все же не попал в летучие голландцы. А вот пройди «Дикая посадка» по расписанию, один из кораблей, а то и оба канули бы туда, куда попадают корабли при неудачном переходе.

Короче говоря, «Дикую посадку» теперь придется как-то втискивать в график. Опоздания пойдут пачками. Десяткам кораблей придется вносить поправки в ускорение, подстраиваясь к новому расписанию. Не то чтобы угроза, но заноза в заднице. И нехороший прецедент.

– Мне отвечать? – спросил Воган. – Или вы лично этим займетесь, мэм?

Отличный вопрос. Политика – храповик без обратного хода. Прикажи сейчас Драммер превратить следующего нарушителя в осколки металла и раскаяния, назад не отмотаешь. Когда-то человек, разбиравшийся в этих делах куда лучше нее, советовал с большой осторожностью решаться на поступки, которых она не намерена повторять отныне и впредь.

Но, боже мой, какое искушение…

– Сообщите Медине, чтобы внесли переход в список, выставили полную стоимость Фригольду и Оберону, а также штрафы за задержки в расписании.

– Да, мэм, – отозвался Воган. – Что-то еще?

«Да, – подумала она, – только я пока не знаю что».

* * *

Конференц-зал возводился специально для этой минуты. Сводчатый потолок торжественный, как в соборе. Ли – генеральный секретарь Земли – стоял на кафедре, обращая серьезный, но довольный лик к камерам – к десяткам камер тщательно отобранных новостных каналов.

Драммер, как умела, повторяла его движения.

– Президент Драммер! – окликнул один из репортеров, поднимая руку движением, не изменившимся с римских форумов. Экран ее кафедры подсказал, что это Карлайс Хайям из церерской конторы Мунхва Илбо. Дюжина других тоже требовали ее внимания.

– Хайям, – улыбнулась Драммер, и остальные притихли. По правде сказать, эта роль ей, пожалуй, нравилась. Взывала к давно забытым мечтам об актерской карьере, к тому же здесь она – редкий случай – в самом деле владела ситуацией. Большей частью ее деятельность напоминала попытки запихнуть воздух обратно в пробитый баллон.

– Что вы думаете относительно опасений Мартина Каржчека по поводу перевалочных станций?

– Я их еще не слышала, – ответила Драммер. – В сутках у меня часов не больше, чем у вас.

Репортер хихикнул, до Драммер донеслись довольные смешки. Да, они открывают первую станцию свободной зо-

ны. Да, оправившаяся от многолетнего кризиса Земля готова восстановить активную торговлю с колониями. И единственное, чего всем не хватает, – это маленькой перепалки между политиканами.

Это хорошо. Пока они отвлекаются на мелочи, она может спокойно заниматься серьезными делами.

Генеральный секретарь Ли, круглолицый мужчина с пышными усами и рабочими, мозолистым руками, прочистил горло.

– С вашего позволения, – заговорил он. – Всегда находятся люди, опасающиеся перемен. И это хорошо. Перемены необходимо отслеживать, умерять, подвергать сомнению. Но консерваторы не в состоянии обуздать прогресс и остановить развитие. Земля – первый, самый надежный дом человечества. Почва, на которой все мы выросли, в какой бы системе ни обитали теперь. Земля всегда, всегда будет центром любого проекта космического человечества.

С присвистом через кладбище! Земля отмечает большую веху в своей истории, и в программе Драммер это, пожалуй, третье по значимости событие. Но как скажешь целой планете, что прошло ее время? Лучше уж кивать и улыбаться, радоваться сегодняшнему дню и наслаждаться шампанским. А потом вернуться к работе.

Пока задавались ожидаемые вопросы: будет ли тарифное соглашение пересмотрено Драммер или экс-президентом Санджрани, сохранит ли Союз перевозчиков нейтрали-

тет в жаркой предвыборной борьбе на Новой Каталонии, состоятся ли переговоры по статусу Ганимеда на Луне или на Медине… Кто-то даже спросил о мертвых системах – Хароне, Ардо и Нараке: за их кольцами-вратами обнаружились вещи куда удивительнее пригодных для обитания планетных систем. Этот вопрос принял на себя Ли – к радости Драммер, у которой от мертвых систем мурашки шли по коже.

Покончив с игрой в вопрос-ответ, Драммер попозировала для фотографий с генеральным секретарем, с высокопоставленными администраторами КЗМ, со знаменитостями разных планет: темнокожей женщиной в ярком голубом сари, бледным мужчиной в строгом костюме, с парой до смешного одинаковых близнецов в одинаковых золотых сюртуках.

Эта часть церемонии ей тоже нравилась. Драммер подозревала, что удовольствие при виде землян, теснящихся, чтобы заполучить открытку на память о встрече с главой астеров, не красит ее в духовном смысле. Она выросла в мире, где люди вроде нее были расходным материалом, и дожила до времени, когда колесо фортуны вознесло ее выше земных небес. Теперь все хотели дружить с астерами – теперь, когда это слово означало не просто горстку мусора в пространстве между Землей и Марсом. Для родившихся сегодня детей Пояс – это то, что связывает человечество воедино. Семантический сдвиг и политические перемены. Если худшее, к чему они приведут, – легкое злорадство с ее стороны, Драммер это как-нибудь переживет.

Воган ждал в маленькой приемной. Сеть глубоких морщин на его лице оказала бы честь горному хребту, но он умудрялся обратить это в свою пользу. Его официальный костюм был стилизован под крой вакуумного скафандра. Память угнетенных, обращенная в высокую моду. Время лечит все раны, но не столько стирает шрамы, сколько декорирует их.

– До приема у вас есть час, мэм, – обратился он к Драммер, присевшей на кушетку, чтобы растереть себе ступни.

– Понятно.

– Вам что-нибудь нужно?

– Шифрованный луч и чтобы мне не мешали.

– Да, мэм. – Он и глазом не моргнул.

Когда за ним задвинулась дверь, Драммер повернулась к камере системы и собралась с силами. План складывался в голове по ходу церемонии. Все детали, необходимые, чтобы вышло как надо. И лучше раньше, чем позже. Наказание действеннее всего, если следует непосредственно за проступком, во всяком случае так ей говорили. Однако есть свои плюсы и в том, чтобы дать преступнику время раскаяться.

А лучше всего совместить первое и второе.

Она нажала «запись».

– Капитан Холден. Я связываюсь с вами по поводу неопознанного корабля, совершившего сегодня переход из Фригольда на Оберон. Открываю вам доступ к сведениям безопасности по системе Фригольда. Там не много. Одна обита-

емая планета чуть поменьше Марса и еще одна, пригодная к использованию, если вы не против избытка в воздухе азота и цианидов. Губернатора зовут…

Она заглянула в сводку и закашлялась от презрительного смеха.

– …Пэйн Хьюстон. Полагаю, имечко он сам выбрал, а не получил от мамы. Посылаю вам мандат, чтобы вы могли заняться им прямо сейчас. К тому времени, как вы туда доберетесь, я поставлю на колени Эмили Сантос-Баку с комитетом безопасности, так что все будет нормально. Официально вам поручается передать, что неоднократное нарушение Фригольдом требований Союза перевозчиков привело к штрафным санкциям и я на три года закрываю всякое сообщение с Фригольдом. Он спросит, имеются ли в виду земные годы – отвечайте «да». Для него это будет важно, такой уж он идиот. Неофициально вам поручается не спешить. Пусть Фригольд и ему подобные системы неделями любуются надвигающимся кораблем и гадают, что он им несет. Я поручу своим сотрудникам набросать обычное рабочее соглашение. Если вы не можете взяться за эту работу, сообщите как можно скорей. В ином случае вношу вас в план на заправку и переход в ближайшие пятнадцать часов.

Пересмотрев сообщение, она отправила копию Ахмеду Маккалиллу, возглавлявшему комитет безопасности. Потом запросила для «Росинанта» срочную заправку и поставила его в голову очереди на переход. А потом в дверь скромно

постучался Воган.

Он правильно понял ее недовольное ворчание как разрешение войти.

– Генеральный секретарь Ли осведомляется о вашем здоровье, мэм, – сообщил он. – Он начинает беспокоиться.

Драммер посмотрела на время. Отведенный на отдых час миновал уже минут двадцать назад.

– Скажите ему, что я иду, – попросила она. – Есть во что переодеться?

– Все в шкафу, мэм. – Воган выскользнул за дверь бесшумно, как призрак.

Драммер быстро сменила костюм: строгий жакет и мягкие брюки на блузку из бамбукового шелка и юбку-самокройку из нейроволокнистой ткани, равняющейся по интеллекту насекомому и подстраивающейся по фигуре. Посмотрелась в зеркало и осталась довольна. Жаль только, с ней нет Сабы. Хотя он слишком часто подшучивает в стиле «консорт при королеве». Закрыв функцию зеркала, она вернула на экран изображение Земли.

Теперь темной была бóльшая часть планеты, бело-голубым остался узенький полумесяц. Как ни силились астеры убить Землю, а она все вертится. Они пытались сжечь флот внутренних планет, но корабли КЗМ летают как ни в чем не бывало.

А с другой стороны, Земля поколениями душила астеров, однако вот она, Драммер. Время сделало их союзниками в

великой звездной экспансии.

Пока еще что-нибудь не случилось.

Глава 2
Бобби

Переход из медленной зоны остался позади, а до Фригольда предстояли еще недели пути, но для такого старого корабля, как «Росинант», посадка в атмосфере – дело не столь тривиальное, как в былые времена. Возраст проявлялся самым непредсказуемым образом. Отказывало то, что всегда работало. Так что пора было готовить все что можно.

Бобби щурилась на стенную панель машинной палубы, просматривая длинный список данных, закончившийся уверением корабельной системы, что одну посадку она еще точно выдержит, не сгорев.

– По атмосферным тормозным двигателям – зеленый свет, – сообщила Бобби.

– Хм-м? – сонно протянул с панели Алекс.

– Ты там не заснул? Подготовка к спуску – твое дело. А занимаюсь чертовым списком я. Мог бы хоть интерес проявить.

– Не, не заснул, – отозвался пилот. – Просто у меня свой список дерьма.

В его голосе слышалась улыбка.

Бобби закрыла диагностику. Статус маневровых завершал ее рабочий план. Разве только напялить еще скафандр да вы-

браться за борт, лично заглянуть в сопла, а так она больше ничего не могла сделать.

– Займусь домашним хозяйством, а потом продолжу, – сказала она.

– М-хм.

Бобби собрала инструменты и легким растворителем стерла пролитую смазку. Состав пахнул сладко и остро – на таком масле она стряпала, когда жила одиночкой на Марсе. Тревожность толкала ее заниматься подготовкой, даже когда все было в порядке. В прежние времена в таких случаях Бобби без конца чистила и перебирала боевую броню, превращая это занятие в своего рода медитацию. Теперь она так же возилась с кораблем.

На «Росинанте» она прожила больше лет, чем где бы то ни было. Дольше, чем прослужила в десанте.

Машинная палуба была владением Амоса, и механик блюл ее в чистоте. Каждый инструмент на своем месте, нигде ни пятнышка. Не считая масел и растворителей, пахло здесь только озоном, намекающим на близость мощного тока. Пол вибрировал в такт реактору – бьющемуся палубой ниже сердцу корабля.

На переборке рукой Амоса было выведено:

ПОЗАБОТЬСЯ О НЕМ – ОН ПОЗАБОТИТСЯ О ТЕБЕ

Бобби походя погладила надпись и залезла в центральный лифт. «Роси» тормозил очень плавно, на двух десятых g, и бывали времена, когда даже на вдесятеро большей тяге вос-

пользоваться лифтом вместо трапа означало бы признать поражение. Но в последние годы Бобби стали беспокоить суставы, и она больше не считала нужным доказывать самой себе, что не разучилась лазать.

Ей думалось, что настоящий признак старости – когда перестаешь доказывать, что не стареешь.

Люки на каждой палубе раздвигались при подходе лифта и тихо смыкались позади. Пусть «Роси» и миновал свою лучшую пору пару десятилетий назад, ни скрипа, ни отказов Клари не допускала. Она минимум раз в неделю совершала полный обход системы жизнеобеспечения и герметичных люков. Бобби как-то упомянула об этом при Холдене, и он тогда сказал: «Она, раз поломав корабль, до сих пор пытается его починить».

Лифт загудел, останавливаясь на палубе управления, и Бобби вышла. Люк в кабину был открыт. Смуглая, практически лысая макушка Алекса торчала над спинкой пилотского кресла. Команда почти все рабочее время проводила в рубке, и воздух здесь немного отличался от других мест. Когда долгие часы люди сидят в амортизаторах, от запашка пота не избавиться, как бы ни трудились восстановители воздуха. И еще, как везде, где часто бывал Холден, здесь уютно пахло кофе.

Бобби провела пальцем по переборке, ощутила, как потрескивает под нажимом антирастрескивательное покрытие. Темно-серая краска поблекла, и трудно было отличить за-

платы на поврежденных местах от пятен старости. Скоро пора менять. Неровную краску она бы пережила, а вот треск означает потерю эластичности. Хрупкая ткань не справится со своей работой.

У Бобби ныли оба плеча, становилось все труднее отличить боль от давнего вывиха при тренировке рукопашного боя от памяти о безжалостной эксплуатации собственного тела. За свою жизнь она набрала немало боевых шрамов, но они теперь не слишком отличались от нормальных следов износа. Это как с пятнами на переборках «Роси» – все одинаково вылиняло.

Взобравшись по короткому трапу, она пролезла в рубку, уверяя себя, что радуется ноющим плечам, как когда-то – боли после тренировок. Ее старый сержант говаривал, что боль – друг воина. Напоминает, что ты еще жив.

– Йо! – приветствовал ее Алекс, когда Бобби повалилась в канонерское кресло у него за спиной. – Как наша кляча?

– Старовата, но еще держится.

– Я про «Роси».

Бобби, усмехнувшись, вывела на дисплей тактическую схему. Вдалеке планета Фригольд. Цель миссии.

– Мой брат всегда ворчал, что я слишком увлекаюсь подбором метафор.

– Стареющий марсианский воин в стареющем марсианском воине. – В голосе Алекса снова слышалась улыбка. – Долго подбирать не приходится.

– Я еще не так стара, тумака дать сумею. – Бобби вывела на тактическом экране приближение Фригольда. Пестрый шарик с бурыми континентами и зелеными океанами, кое-где белые завитушки облачности. – Долго еще?

– За неделю доберемся.

– С Жиз давно не связывался? Как там папаша моего будущего младенчика?

– Жизель в порядке, и Кит, по ее словам, благоденствует. В Маринерском технологическом выбрал курс планетарной инженерии.

– На них сейчас большой спрос, – одобрила Бобби.

Она была дружкой Алекса, когда тот женился на Жизель, и дежурила у больницы, когда тринадцать месяцев спустя на Церере родился Кит. Теперь Кит поступил в Верхний университет, а Алекс лет десять как в разводе. Бобби он был лучший друг, а вот в мужья не годился никому. После второй неудачи Бобби предложила: если уж ему так хочется сделать кому-нибудь больно, пусть скажет, кому сломать руку, – хоть время сэкономят.

Без лишних драм можно было бы и обойтись, а все же скоротечный брак Алекса с Жизель создал Кита, а с ним вселенная стала лучше, чем раньше. Мальчику в полной мере досталось скромное обаяние Алекса и царственная красота матери. Когда он выходил на связь с тетей Бобби, ей каждый раз хотелось обнять парня так, чтобы ребра затрещали.

– Будешь отвечать, не забудь передать от меня «пошла

нах», – попросила Бобби. В развале брака виновата была не одна Жизель, но Бобби приняла сторону Алекса, и роль лучшего друга требовала во всем винить его бывшую. Алекс спорил, но она чуяла, что он в то же время и благодарен ей, говорящей вслух все, чего он сказать не мог.

– Передам от тебя горячий поцелуй, – пообещал Алекс.

– А Киту передай привет от тети Бобби и скажи, я просила свежих фото. Мои все уже на год устарели. Хочу видеть, догоняет ли меня мой малыш.

– Надо сказать, жутковатое дело – такой вот флирт с мальцом, которого с рождения знаешь.

– Моя любовь чиста, – возразила Бобби и переключила тактическую на параметры миссии. Население Фригольда только-только дотянуло до трех сотен, все земляне по рождению. Они назвались Ассамблеей суверенных граждан – понимай как хочешь. Однако в сопроводительных колонистского корабля числилось немало оружия и боеприпасов. А за те недели, что «Роси» падал к солнцу Фригольда, местным хватило времени как следует завестись.

Алекс, читавший вместе с ней, заметил:

– Капитану там не помешает поддержка.

– Да уж. Следующим пунктом в моем списке – «поговорить об этом с Амосом».

– И прихватить Бетси?

– Может, до уровня Бетси не дойдет, матрос, – пожала плечами Бобби. Алекс присвоил кличку «Бетси» марсиан-

скому десантному скафандру, который она хранила в грузовом отсеке. Не надевала годами, но содержала в рабочем состоянии и с полным зарядом. Само его присутствие внушало ей теплое, уютное чувство. Пусть будет – на всякий случай.

– Так и запишем, – кивнул Алекс.

– А где, кстати, Амос?

Разница между Алексом благодушествующим и Алексом, изображающим благодушие, была тонкой, но ощутимой.

– Корабль считает, что он в медотсеке, – сказал Алекс.

«Кларисса, – подумала Бобби. – Вот дерьмо!»

* * *

В медотсеке «Росинанта» пахло антисептиком и рвотой.

Антисептик распылял гудевший по комнате маленький полотер, оставляющий после себя блестящий след.

Едкий запах желчи исходил от Клариссы Мао.

– Бобби, – улыбнулась та.

Она лежала на кушетке с манжетой автодоктора на плече. Автодок жужжал, гудел, временами пощелкивал. При каждом щелчке у Клари стягивало лицо. Уколы, если не что похуже.

– Привет, Бабец, – сказал Амос.

Здоровенный механик сидел на краю кровати, читая что-то с ручного терминала. Он не оглянулся на Бобби, только приветственно поднял руку.

– Как сегодня самочувствие? – осведомилась Бобби, поморщившись про себя.

– Через несколько минут встану с постели, – заверила Клари. – Я ничего не пропустила в предпосадочной подготовке?

– Нет-нет, – замотала головой Бобби. Скажи она «да», с Клари сталось бы выдернуть трубки из вены и вскочить с кровати. – Ничего подобного. Просто я хотела на минутку одолжить твоего тугодума.

– А? – только теперь Амос поднял голову. – Ты не против, Персик?

– Сколько угодно, – та широким жестом обвела медотсек. – Меня ты всегда застанешь дома.

– Ладно. – Амос встал, и Бобби вывела его в коридор.

Среди вылинявших серых стен Амос, как только закрылся люк медотсека, как будто сдулся. Прислонился спиной к стене, вздохнул:

– Тяжело смотреть, понимаешь?

– Как она?

– Как у всех, бывают хорошие дни, бывают плохие, – ответил Амос. – Эти железы с черного рынка точат ей в кровь крысиное дерьмо, мы его отфильтровываем. Удалять их ей еще дороже обойдется, вот и…

Он пожал плечами. Выглядел усталым. Бобби так и не разобралась, что за отношения связывают механика «Роси» и его худенькую помощницу. Спать они вместе не спали, кажется, ни разу. Да и разговаривали не часто. Но с тех пор,

как у Клари стало портиться здоровье, Амоса почти всегда можно было найти у ее постели в медотсеке. Бобби иногда задумывалась: сделает он то же для нее, случись ей заболеть? Или кто-то другой…

Механик в последнее время и сам как будто похудел. Таких крупных мужчин с возрастом чаще распирает, Амоса же вело в обратную сторону. Если и был у него жирок, так сошел, и руки-ноги выглядели обмотанными веревками старых мускулов прямо под кожей. Дубленой, как сапожная шагрень.

– Ну, – спросил он, – так что стряслось?

– Ты читал мою сводку по Фригольду?

– Глянул.

– Три сотни человек, ненавидящих централизованную власть и обожающих стрелялки. Холден добьется встречи на их территории, обычная его придурь. Надо бы его прикрыть.

– Ага, – согласился Амос. – Я за ним пригляжу.

– А это я, может, возьму на себя. – Бобби мотнула головой в сторону медотсека. Не сказала вслух: «Вид у нее нехорош».

Амос задумчиво поджал губы.

– Ага, займись. Посадка в атмосфере как бы не разнесла нас вдребезги. Дел у меня будет по горло.

Бобби повернулась уходить, но что-то ее удержало.

Еще не решив, что сказать, она выпалила:

– Долго осталось?

– На всю ее жизнь, – отрезал Амос и, вернувшись в ме-

дотсек, закрыл за собой люк.

Холдена с Наоми она застала за завтраком в камбузе. Пахло омлетом с луковым порошком и чем-то сходившим за перец и еще закипающим кофе. У Бобби уже в дверях заурчало в животе, и Холден, молча толкнув к ней тарелку, принялся накладывать яичницу.

– Пользуйся, больше настоящих яиц не будет до Медины, – сказал он, положив ей порцию.

Наоми дожевала и спросила:

– Что происходит?

– Вы, ребята, читали мою оценку угрозы по Фригольду?

– Глянул, – отозвался Холден.

– Первое поколение колонистов, – подсказала Наоми. – Восемь лет с основания, до сих пор всего одно поселение в полупустынной умеренной зоне. Земледелие малоразвито, бóльшая часть продовольствия выращивается на гидропонике. Имеются козы и куры, но и скотина кормится от гидропонных ферм, а это не самая эффективная система. В планетарной коре – литий, а в полярных льдах застряло на удивление много урана, что дает надежду на легкую добычу гелия, если их инфраструктура дорастет до уровня горнодобычи. Хартия, декларирующая крайнюю автономию личности, поддержана гражданской милицией, включающей все население колонии.

– Да ну? – удивился Холден. – Все население?

– Триста любителей оружия, – подтвердила Наоми и ткну-

ла пальцем в Холдена. – А этот уперся – сойти с корабля и беседовать с ними лицом к лицу.

– Правда? – Бобби закинула в рот полную ложку болтуньи. Аромат не обманул ее ожиданий.

– Непременно лицом к лицу, – кивнул Холден. – А то мы могли бы просто радировать им с Медины и избавить себя от долгой дороги.

– Дипломатия по твоей части, – заметила Бобби. – А меня занимают исключительно вопросы тактики. Чтобы при разговоре с властями Фригольда им было ясно, что стрельба до добра не доведет.

Холден отодвинул полупустую тарелку и, нахмурившись, откинулся на стуле.

– Объясни-ка.

– Право, жаль, что ты не прочел мой обзор.

Наоми, прихватив чашку Холдена, двинулась к кофемашине.

– По-моему, я поняла, к чему она клонит. Кофе будешь, Бобби?

– Да, спасибо. – Бобби вывела на свой ручной терминал тактическую оценку. – Эти люди покинули Землю, чтобы создать колонию на основах суверенитета личности. Исповедуют абсолютное право каждого гражданина оборонять себя и свое имущество, при необходимости – летальным оружием. И все соответственно вооружены.

– Это я понял, – кивнул Холден.

– А до самодостаточности им еще не один год. Они почему полагаются на гидропонику – на теплицы не хватает почвы. Там сложности с минеральным составом. Те деньги, которые им удалось нажить на фьючерсах горнодобычи, целиком ушли Оберону в оплату сельскохозяйственных ресурсов. И они считают, что Союз перевозчиков не вправе устанавливать расценки на жизненно необходимые материалы. Что и привело сюда нас.

Наоми протянула ей чашку исходящего паром, щедро сдобренного сливками кофе. Кивок Холдена, возможно, намекал на беспокойство. Он должен был ее понять.

– Сколько им еще до первого местного урожая? – спросила Наоми, склонившись к докладу через плечо Бобби.

– Не знаю, но проблема не в том.

– Проблема в том, – перебил Холден, – что мы везем им смертный приговор. Так? Собираемся приземлиться и сообщить, что им закрыли торговлю с другими колониями. А они знают, что пригодной к использованию пищи у них на несколько месяцев, а свою не вырастить еще годы. Союз ставит их в безвыходное положение. А прямо сейчас Союз – это мы.

– Да, – подтвердила Бобби, радуясь, что до него вроде бы дошло. – Эти люди верят в неотъемлемое право на самозащиту вплоть до летальных средств. Если мы сядем там и сообщим, что они отрезаны, сами дадим им вескую причину захватить наш корабль.

– Не понимаю я этих санкций, – вставила Наоми. – Выглядит слишком уж сурово.

– Драммер, мне кажется, только и ждала такого случая, – мрачно объяснил Холден. – Пока какая-нибудь колония первой рискнет испытать, далеко ли готов пойти Союз для защиты своей монополии на врата. Она намерена прижать первого нарушителя так, чтобы другие и не думали. Готова прикончить одну колонию сразу, чтобы потом не пришлось убивать тринадцать сотен.

Эта мысль повисла в воздухе, как дым над покерным столом. На лице Наоми отразилась тревога Бобби. Холден ушел в себя – как всегда, когда задумывался над трудным и небезопасным вопросом. Трехгодичная отсидка в углу – это круто. Но трехгодичная отсидка, когда вам уже через год грозит голод, – это много хуже. Мягко говоря, достаточный мотив для применения силы. Если не больше того.

– Ну так вот, – заключила Бобби. – Будет интересно.

Глава 3
Сантьяго Джили Син

Ощутив щекотку в запястье, Син поддернул рукав. Монитор на предплечье, поймав его взгляд, высветил уведомление о самом неотложном деле: близящейся аудиенции у верховного консула.

Он переустановил уведомление на «полчаса до времени встречи». Этот ежедневник ездил у Сина на руке или в кармане последние пять лет и знал о нем все, что можно было знать. И расценивал предстоящую встречу с верховным консулом как важнейшее событие его жизни.

Машинка не ошибалась.

Опустив рукав, он натянул его посильнее, разглаживая складки, и посмотрелся в зеркало. Белая с голубым форма облегала фигуру как перчатка, подчеркивая наработанную ежедневными занятиями мускулатуру. Новенькая капитанская звездочка, надраенная до золотого блеска, светилась в петлице. Лицо и голова свежевыбриты, что, как представлялось Сину, придавало ему нечто хищное, подобающее военному.

– Все прихорашиваешься? – окликнула из ванной Наталия. Приоткрыв дверь, она выпустила наружу облако пара и вышла сама – с волос еще капала вода. – Как не обнять та-

кого красавчика!

– Нет! – попятился Син. – Ты меня намочишь…

– Поздно, – засмеялась жена и, метнувшись к нему, крепко обхватила за талию, мазнув по плечу мокрыми волосами.

– Нат! – взмолился Син, поняв, что не в силах рассердиться. Полотенце размоталось от рывка, и в зеркале отразился мягкий изгиб ее бедер. Опустив на него ладонь, Син прижал ее покрепче. – Теперь я весь мокрый.

– Просохнешь, – улыбнулась она, ущипнув его за ягодицу. Новый капитан лаконского флота неприлично взвизгнул. Запястье завибрировало, и на секунду Сину подумалось, что машинка не одобряет этакого дурачества.

Снова подняв рукав, он обнаружил уведомление, что машина прибудет через двадцать минут.

– Скоро подойдет машина, – с сожалением сообщил он, спрятав нос в мокрые волосы жены.

– И Эльзу пора поднимать, – согласилась Наталия. – У тебя сегодня большой день. Выбирай – будить Чудовище или готовить завтрак?

– Сегодня беру на себя Чудовище.

– Берегись! Ее твой новенький мундир волнует еще меньше чем меня, – напомнила Наталия, завязывая халат. – Десять минут до завтрака, моряк.

Однако у него ушло целых пятнадцать: вытащить Эльзу из кроватки, сменить подгузник, одеть и принести на кухню. Наталия уже выставила на стол высокую горку оладий и све-

жие яблоки, а в воздухе пахло чаем.

Щекотку в запястье Син и не глядя распознал как пятиминутное предупреждение о подаче машины. Усадив Эльзу в высокий стульчик, он поставил перед дочкой самую маленькую тарелку с натертым яблоком. Хрюкнув, она шлепнула по тарелке ладонью, разбрызгав сок во все стороны.

– Поесть хоть успеешь? – спросила Наталия.

– Боюсь, что нет. – Син поддернул рукав и прокрутил дневной график. – Чудовище сегодня никак не желало влезать в штаны.

– По-моему, в яслях ей не по душе одно-единственное – обязательность штанов, – улыбнулась Наталия. И, заглянув в график встреч у него на запястье, посерьезнела. – Когда нам тебя ждать?

– Мне назначены пятнадцать минут в девять ноль-ноль, а больше на сегодня дел нет, так что… – Син не сказал вслух, но и так было ясно: «Встреча с верховным консулом Дуарте от меня не зависит – когда там начнется, когда кончится…»

– Ясно. – Наталия чмокнула его в щеку. – Я сегодня в лаборатории самое малое до шести, но твой отец согласился побыть с Чудовищем, если ты не успеешь ее забрать.

– Отлично, отлично, – пробормотал Син. – Тогда до встречи.

Темная штабная машина уже подъехала к дверям. Син задержался у зеркала в прихожей, напоследок окинул себя взглядом и стер шальную шрапнель – след завтрака Чудови-

ща. Наталия осталась у стола: исхитрялась поесть сама и добиться, чтобы дочери хоть что-то попадало в рот, а не на рубашку.

Ужас, поднимаясь из живота, подступал к сердцу. Пришлось дюжину раз сглотнуть, прежде чем он сумел заговорить. Син несказанно любил жену и ребенка, и расставаться с ними всегда бывало тяжело. Но в этот раз иначе. Поколения флотских переживали такие утра. Встреча с вышестоящими, предвещающая перемены. Все они выдержали – значит, и он сумеет.

Империя, – сказал однажды преподаватель истории в академии, – смотрит вдаль. Отдельные личности строят империи, потому что хотят оставить эхо своих имен в истории. Они возводят величественные здания из камня и металла, чтобы потомки помнили создателей мира, в котором живут. На Земле существовали строения тысячелетней давности – иной раз только они и напоминали об империях, казавшихся некогда вечными. Спесь – вот как назвал это профессор. Строители силятся материализовать вдохновение. Но они умирают, и их намерения хоронят вместе с ними. Остаются только здания.

Марсиане, строго говоря, не собирались создавать империю, но и они в немалой степени разделяли ту же спесь. Они строили тоннели, жилища-крольчатники в камне Марса, и планировали работы на века, чтобы сделать пригодной для жизни его поверхность.

Но первое поколение ушло, оставив работу незаконченной. И следующее, и так далее, и дети сменяли родителей, пока не выросли такие, кто только тоннели и знал и считал, что они не так уж плохи. Они утратили видение великой мечты – ведь это была не их мечта. Создатели ушли, унесли с собой намерения, и остались только тоннели.

Оглядывая проносящуюся за окном машины столицу Лаконии, Син видел те же громады материи и намерений. Гигантские здания из камня и стали – выстроенные для правительства пока не существующей империи. Вся эта инфраструктура будет излишеством еще не один век. Колонны и шпили воскрешали тысячелетия терранской и марсианской культуры, превращая их в видение необычайного будущего.

Если мечта об империи не сбудется, останутся только большие ненужные здания.

Для старших офицеров Лаконии не было секретом, что лаборатории верховного консула добились огромного прорыва в модификации человеческого организма. Среди важнейших проектов числилось невероятное продление жизни самого верховного консула. Капитан, под началом которого Син служил лейтенантом, получил официальный выговор за то, что спьяну назвал Дуарте «нашим маленьким королем-богом».

Син же понимал, чем так важен этот проект. Империи, как и здания – это материализация вдохновения. Когда создатель умирает, намерения пропадают.

И потому создатель не может позволить себе умереть.

Если слухи не врали и ученые в самом деле работали над бессмертием верховного консула, у них появлялся шанс создать империю, о какой история только мечтала. Вечный вождь, постоянство целей и единое долгосрочное планирование. Все это было прекрасно, однако не объясняло причины вызова на личную встречу с Дуарте.

– Подъезжаем, сэр, – предупредил водитель.

– Я готов, – солгал Син.

Здание государственного совета Лаконии было императорским дворцом по всему, кроме названия. Оно далеко превосходило все прочие городские строения. Здесь заседало правительство, здесь проживал верховный консул с дочерью. После строжайшего досмотра солдатами в парадной боевой броне Сина наконец пропустили внутрь – впервые в жизни.

Он оказался несколько разочарован.

Вряд ли он сам знал, чего ожидал. Может, потолков под пятнадцать футов и массивных каменных колоннад? И красного бархатного ковра перед высоким золотым троном? Рядов министров и слуг, ожидающих приказа верховного консула, а тем временем тайком замышляющих интриги? Он увидел простое фойе с рядами удобных кресел, свободный проход в туалетные комнаты, стенные мониторы, прокручивающие правила безопасности в пределах здания. Выглядело все это уж очень буднично. Слишком административно.

Невысокий улыбчивый человек в красной куртке и чер-

ных брюках вошел в самую большую дверь и едва уловимо поклонился.

– Капитан Сантьяго Син, – утвердительно произнес он.

Син встал и едва удержался, чтобы не отдать честь. На вошедшем не было ни военной формы, ни знаков различия, но они находились в доме правителя. Это давило тяжелее любых формальностей.

– Да, сэр, я капитан Син.

– Верховный консул надеется, что вы составите ему компанию за завтраком, – сказал невысокий.

– Разумеется, это честь для меня.

– Идите за мной, – предложил невысокий, выходя в ту же большую дверь. Син повиновался.

Если фойе здания государственного совета было недостаточно торжественным, то остальные помещения выглядели попросту утилитарными. Коридоры между офисными пространствами. В переходах большое движение, расхаживают люди в военной форме, в деловых костюмах и в таких же красных куртках и черных брюках, как у его провожатого. Син не забывал приветствовать каждого, чей ранг того требовал, а остальных старался не замечать. Все человеческое население Лаконии составляли первые колонисты из флота Дуарте и рожденные за последние десятилетия дети. Син и не подозревал, сколько на планете незнакомых ему людей. Маленький провожатый держался так, словно они здесь одни, и сохранял на лице ту же неопределенную улыбку.

Десять минут блужданий по лабиринту коридоров и помещений, и они оказались перед двойной стеклянной дверью, похожей на выход в сад. Открыв дверь, провожатый пропустил Сина, а сам ушел обратно.

– Капитан Син! – воскликнул верховный консул Уинстон Дуарте, абсолютный военный правитель Лаконии. – Прошу вас, присаживайтесь ко мне. Келли, обеспечьте капитана тарелкой.

Еще один в красном с черным, по-видимому Келли, поставил прибор и подвинул капитану стул. Син сел – с радостью, потому что ноги подгибались.

– Верховный консул, я… – начал он, однако Дуарте отмахнулся.

– Спасибо, что составили мне компанию. И, думаю, здесь мы можем обойтись военными званиями. Сгодится «адмирал Дуарте» или просто – «адмирал».

– Конечно, адмирал.

Келли поставил перед гостем яйцо на подставке и теперь щипчиками накладывал ему на тарелку сладкий рулет. Сину уже случалось есть яйца, так что эта роскошная диковинка не составляла для него тайны. Стол был маленьким – четверым не уместиться, – и от него открывался вид на площадку, как будто поросшую ухоженной терранской травой. Посреди газона играла со щенком девочка лет двенадцати. Настоящие куры и терранский щенок! В отличие от древнего Ноева ковчега, корабли первого флота доставили на Лаконию не

много животных. Увидеть за одно утро напоминание сразу о двух видах – это немножко слишком. Син, ложечкой разбивая скорлупу яйца, старался не забываться.

Адмирал Дуарте указал на кофейную чашку капитана, и Келли налил ему кофе.

– Прошу прощения, – сказал Дуарте, – что в такую рань оторвал вас от семьи.

– К услугам верховного консула, – машинально отрапортовал Син.

– Да-да, – отозвался адмирал. – Наталия, не так ли?

И дочь?

– Да, адмирал. Эльза. Ей скоро два года.

Адмирал Дуарте с улыбкой кивнул на играющую девочку.

– Хороший возраст. Я, конечно, не о приучении к горшку, но спит она всю ночь?

– Обычно да, сэр.

– Так увлекательно наблюдать, как в них прорастает разум. Как они учатся языку. Как начинают сознавать себя отдельной личностью. Слово «нет» становится волшебным словом.

– Да, сэр, – подтвердил Син.

– Непременно попробуйте выпечку, – посоветовал адмирал. – Повар у нас – гений.

Син, кивнув, откусил кусочек рулета. Ему показалось слишком сладко, но с черным кофе вышло то что надо.

Адмирал, улыбнувшись ему, попросил:

– Расскажите мне про капитана Ивасу.

Проглоченный кусок рулета обратился в желудке в свинцовую каплю. Капитан Иваса был разжалован и с позором уволен в отставку на основании рапорта, поданного Сином в Адмиралтейство. Если его прежний командир был личным другом верховного консула, карьере Сина конец. Если не хуже.

– Простите, я… – начал он.

– Вы не на допросе. – Голос Дуарте был мягким, как теплая фланелька. – Все факты мне известны. Я хотел бы услышать вашу версию. Вы первый подали рапорт о служебной халатности. Что вас на это подвигло?

Как учил один преподаватель в военной академии: «Если нет укрытия, постарайтесь преодолеть обстреливаемый участок как можно быстрее». Син вытянулся на стуле по стойке смирно.

– Слушаюсь, сэр. Капитан Иваса пренебрегал введением новых требований военного распорядка и при мне солгал на прямой вопрос адмирала Гоера об этом. Я направил адмиралу Гоеру уведомление, оспаривавшее заявление капитана Ивасы.

Дуарте вдумчиво разглядывал Сина, на его лице не было ни следа гнева. Это ничего не значило. Все знали, что верховный консул не склонен к открытому проявлению чувств.

– Тех самых требований, согласно которым служебная халатность наказуема тюремным заключением? – уточнил ад-

мирал Дуарте.

– Да, сэр. Капитан Иваса считал такое наказание чрезмерным и открыто говорил об этом. Двум десантникам, уснувшим на дежурстве, он заменил наказание административным арестом.

– И тогда вы через его голову обратились к адмиралу Гоеру.

– Нет, сэр! – Син склонился, чтобы не смотреть верховному консулу прямо в глаза. – Я был свидетелем того, как офицер солгал вышестоящему в ответ на прямой вопрос о его подчиненных. Я счел своим долгом уведомить обманутого офицера.

Син умолк, и Дуарте тоже молчал. Только все разглядывал его, как редкостного жучка, наколотого на пробку.

А потом как бы невзначай спросил:

– Вы не любили Ивасу?

– Позвольте говорить откровенно, сэр? – Дождавшись кивка Дуарте, он продолжил: – Исполнение правил распорядка – долг каждого офицера и рядового. Устав – инструмент, который делает нас военными, а не просто сборищем вооруженных людей на космических кораблях. Иваса, продемонстрировав неоднократное преднамеренное пренебрежение уставом, перестал быть моим командиром. Я всего лишь известил об этом вышестоящее командование.

– И сейчас, зная, чем это отозвалось для Ивасы, вы считаете, что поступили правильно? – спросил адмирал. Ни голос,

ни лицо его не выдавали, как он относится к разговору. Тем же тоном он мог бы спросить, нужен ли Сину сахар к кофе.

– Да, адмирал, – ответил Син. – Долг – не буфет, где выбираешь, что хочется, а остальное оставляешь без внимания. Частичная верность – не верность. Долгом капитана Ивасы было потребовать от подчиненных соблюдения устава. Не сделав этого и солгав начальнику, он вынудил меня уведомить командование.

Верховный консул кивнул. Такой кивок мог означать все что угодно.

– Вы по нему скучаете?

– Да. Он стал моим первым командиром после академии. Учил всему, что мне требовалось знать. Мне каждый день его не хватает, – ответил Син и понял, что не преувеличивает. Ивасу погубила снисходительность к подчиненным. Та самая, за которую его любили.

– Капитан, – сказал Дуарте, – у меня для вас новое назначение.

Син вскочил, чуть не опрокинув стул, и отдал честь.

– Капитан Сантьяго Син к несению службы готов, верховный консул!

Он понимал, что выглядит смешно, но весь этот разговор был неестественным и нелепым, и в ту минуту формальный ответ показался ему самым уместным. К счастью, Дуарте принял его с уважением.

– Первая стадия нашего проекта близка к завершению.

Мы переходим ко второй. Я поручаю вам командование «Предштормовым». Подробный приказ вы найдете в корабельном сейфе.

– Благодарю, адмирал. – Сердце у Сина едва не выпрыгивало из груди. – Я считаю делом чести буквальное исполнение этого приказа.

Дуарте, обернувшись, смотрел на играющую с собачонкой девочку.

– Мы достаточно долго таились от человечества. Пора показать ему, чем мы тут занимались.

Глава 4
Холден

Когда Холдена вышибли с земного флота, ему шел третий десяток. На себя тогдашнего он смотрел с любовной снисходительностью, как на щенка, гордящегося спугнутой белкой. Тогда он подписался на ледовоз, чувствуя, что поворачивается спиной ко всей развращенной, тиранической, циничной истории своего вида. Само название компании – «Чисто-прозрачно» – выглядело намеком на глубокий смысл. Обещало честность и чистоту. А если немножко походило на фразу из комикса, он тогда этого не замечал.

В те давние времена Пояс был суровым фронтиром. ООН и Марсианская Республика Конгресса – политические боги, изолированные сильнее, чем в древности – острова посреди океана. Астеры в этой структуре были низшим классом и сражались за то, чтобы население внутренних планет хотя бы заметило, что они гибнут.

Ныне человечество рассеялось по тринадцати сотням новых систем, и Земля среди них оказалась не самой гостеприимной для людей. Несколько единомышленников в любое время могли собрать ресурсы для основания колонии, деньги на плату за проход Кольца и посеять среди звезд семя нового общества. Даже в самых населенных из новых систем на

целую планету приходилось не больше восьми или десяти городов. Шел масштабный эксперимент по сравнению всевозможных видов людских коллективов – появился шанс перестроить самую структуру человеческой культуры. Только вот почему-то результаты получались все слишком знакомые.

– С чего вы взяли, что ваши люди вправе диктовать правила торговли между суверенными государствами? – вопрошал губернатор Фригольда. – Мы – свободный народ. И, что бы ни воображали ваши хозяева на Медине, мы перед вами не в ответе.

Хьюстон явился на совещание уже на взводе, и у Холдена никак не получалось вернуть его к осмысленному, продуктивному уровню ссоры. Пока что он наблюдал, слушал и пытался определить, чем больше вызван гнев губернатора: страхом, бессилием или самовлюбленностью. Страх был Холдену понятен. Бессильная ярость тоже имела смысл. Каждая планета, связанная с кольцом врат, обладала своей биосистемой, и каждая попытка создать среду обитания для человека сталкивалась с новыми неожиданными препятствиями. Возможность торговать тем, что имеют, для многих означала грань между жизнью и смертью. Всякий, узнав, что он и вверенные ему люди отрезаны, был бы перепуган до мозга костей.

Но чем больше говорил губернатор, тем больше Холден уверялся, что тот просто дерьмец.

– Фригольд – независимое суверенное государство! –

Хьюстон ударил ладонью по столу. – Мы вступаем в торговые отношения на добровольной основе и не платим дань паразитам вроде вас, сэр. Нет, не платим!

Зал совета напоминал зал суда: Холден с Бобби сидели за низким столом, а губернатор с одиннадцатью членами его кабинета взирали на них сверху вниз, как судейская коллегия. Их стол был сделан из какого-то аналога дерева – темного и пятнистого. На фоне окна Хьюстон с коллегами выглядели черными силуэтами. Дизайн интерьера как орудие политики. Что подчеркивалось личным оружием, без которого не появлялся ни один фригольдер.

Холден покосился на Бобби. Та оставалась невозмутимой, только взгляд то и дело переходил от взирающих сверху людей к охране у двери. Прикидывала, кого снять первым, как обезоружить, где укрыться, куда отступать. Для Бобби такие расчеты были, как для иных – вязание.

– Дело вот в чем, – вставил Холден, пока Хьюстон переводил дыхание. – Вы полагаете, что я здесь, чтобы торговаться. Это не так.

Хьюстон оскалился.

– Бог дал права всем свободным людям, и мы обходимся без тиранов, королей…

– Я понимаю причину вашей ошибки. – Холден повысил голос, но тон выдерживал все такой же дружелюбный. – Вы увидели военный корабль. Которому на дорогу сюда потребовалась не одна неделя. И решили, что ожидаются пере-

говоры. Световой лаг затрудняет обмен мнениями, так что вполне разумно послать кого-нибудь сюда, дышать вашим воздухом, так? Вы что-то скажете, мы что-то ответим. Без задержки. Но дело в том, что Союз перевозчиков уже все решил. Мы не посредники. Мы не стремимся к полюбовному соглашению.

Женщина, сидевшая слева от Хьюстона, придержала его за локоть. Губернатор откинулся назад. Любопытно. Холден чуть развернулся, обращаясь в пространство между сидящими, чтобы втянуть ее в разговор.

– Мы здесь все взрослые люди, – сказал он. – И обойдемся без притворства. Союз послал нас лично для того, чтобы не пришлось повторять одно и то же снова и снова с другими колониями. Хотят быть уверенными, что все следят за ситуацией. Особенно ваши друзья и торговые партнеры с Оберона.

– Политическое шоу, – презрительно бросил Хьюстон. Довольно забавно было слышать это от типа, восседающего на подмостках метра полтора высотой.

– Конечно, – согласился Холден. – Так или иначе, суть вот в чем. Вы отправили корабль сквозь врата, не получив допуска. Что поставило под угрозу другие корабли, использующие врата…

Хьюстон, фыркнув, пренебрежительно отмахнулся.

– …а такие вещи не проходят без последствий, – закончил Холден. – Мы здесь только для того, чтобы известить вас об

этих последствиях.

Бобби чуть развернула свой стул, поставив его так, чтобы освободить ноги. Жест выглядел случайным – но он таким не был. Холден провел ладонью по столешнице. Конечно, это не дерево, но материал такой же твердости и похожей фактуры. Хьюстон и его министры молчали. Он наконец добился их внимания.

Осталось решить, как им воспользоваться. Следовать инструкциям или внести в них маленькие поправки.

– Есть два пути, – заговорил он, решившись на маленькие поправки. – Первый – Союз на три года прекращает доступ Фригольда к вратам.

– Мы еще не вышли на самообеспечение, – подал голос один из членов кабинета. – Вы сообщаете смертный приговор тремстам людям.

– Вы сами так решили, посылая неавторизованный корабль через врата, – напомнил Холден. – Возможно, вы найдете способ уплотнить расписание. Сумеете скорее накормить своих людей. Вам виднее. Но в течение трех лет всякий корабль, проходящий врата Фригольда в любую сторону, будет уничтожен без предупреждения. Без исключений. Связь через врата будет глушиться. Вы – сами по себе. Или – вариант два – губернатор Хьюстон отправляется с нами для суда и, возможно, долгой отсидки.

Хьюстон фыркнул. Скроил такую мину, словно в рот ему попал кусок гнилья. Его соседи вели себя сдержаннее. Из ко-

лонистов Фригольда получились бы отличные игроки в покер.

– Вы забыли третий вариант, – заявил Хьюстон. – Посланник тирании – небезопасная роль, капитан Холден. Весьма рискованная.

– О, вот тут давайте подсчитаем, – отозвался Холден. – Мы здесь, вас там наверху дюжина, четверо охранников у двери…

– Шестеро, – поправила Бобби.

– Шестеро охранников у двери, – не моргнув глазом, уточнил Холден. – Если ограничить обзор сотней метров этого здания, у вас полное преимущество в численности и вооружении. Но если взглянуть полукилометром дальше, у меня обнаружится военный корабль. На нем имеются ОТО. И рельсовая пушка. И двадцать торпед. Черт побери, имеется эпштейновский двигатель, способный, если направить под нужным углом, превратить в стекло все поселение.

– Значит, сила! – Хьюстон покачал головой. – Налогообложение всегда держится на пушках.

– Я, скорее, имел в виду аргументы против расстрела посланника, – уточнил Холден. – Сейчас мы уходим, возвращаемся на корабль. Через двенадцать часов после этого взлетаем. Если с нами на борту будет губернатор Хьюстон, вы снова сможете подавать Союзу заявки на переходы. Если нет, через три года мы пришлем кого-нибудь посмотреть, что тут делается.

Холден встал, и Бобби повторила его движение с такой точностью, что на ногах оказалась раньше. Хьюстон подался вперед, левой рукой упершись в стол, а правой потянувшись к бедру, к рукояти оружия. Не дав губернатору ничего добавить, Холден направился к двери. Охрана взглядами отрезала его от Бобби и ждала сигнала Хьюстона. Боковым зрением Холден видел, как Бобби чуть спружинила ноги, смещая центр тяжести вниз. Она тихонько мычала себе под нос, только он не мог разобрать мотива.

Когда они достигли дверей, охранники посторонились, и Холден перевел дыхание. Короткий проход до вестибюля и дальше, на немощеную улицу. Не сбавляя шага, он вытащил из кармана терминал. Алекс тотчас ответил на запрос связи.

– Как там дела?

– Мы уже возвращаемся, – сообщил ему Холден. – Посмотри, чтобы к нашему приходу люк был открыт.

– Погоня по пятам?

– Все может быть.

– Принял к сведению. Подогрею коврик у дверей и ОТО.

– Вот спасибо. – Холден отключил связь.

– Ты правда думаешь, у них хватит дури ввязаться в игру? – удивилась Бобби.

– Я никогда не поставлю жизнь на человеческое благоразумие.

– Голос опыта?

– Мне уже случалось нарываться.

Фригольдом назывались и городок, и планета, и солнечная система. Что получило имя первым, Холден не знал. Городок угнездился в долине между двумя хребтами. Легкий ветерок чуть попахивал ацетатом и мятой – побочными продуктами той химии, на которой держалась местная биосфера.

Солнце здесь было немного краснее, чем ожидал Холден, и тени синее, отчего возникало ощущение вечных сумерек. Или рассвета. Стайка местных псевдоптиц косяком пролетела над головой, их широкие прозрачные крылья гудели в странной гармонии. По-своему красивая планета. Сила тяжести в половину *g* – больше марсианской, меньше земной, – а наклон оси и период вращения давали всего восемь часов дневного света и более длинную, девятичасовую, ночь. Две крошечные луны вращались в сцепке с крупной, массой в треть планетной.

На большой луне имелась даже атмосфера, только жизни не было. Пока, во всяком случае. Если Фригольд продержится еще несколько поколений, кто-нибудь поселится и там, хотя бы ради того, чтобы избавиться от соседей. Таков уж, кажется, обычай человека – тянуться к неведомому, а потом превращать его в то же самое, от чего бежали. Опыт подсказывал Холдену, что в тяге человечества во вселенную содержалась одна часть жажды приключений и открытий на две части желания разбежаться с опостылевшими соседями.

Странно было видеть «Росинант» лежащим на брюхе. Устройство корабля требовало такой ориентации при спус-

ке в гравитационный колодец. Ему это никак не вредило, просто выглядело непривычно. Торчавшие сбоку ОТО шевельнулись при их приближении – активные, беспокойные. Командный люк стоял открытым, к земле тянулся трап. На кромке люка сидел, болтая ногами, Амос с винтовкой на коленях. Холден несколько удивился, не увидев с ним Клариссы. Бобби, подходя, помахала, и Амос махнул в ответ, но взгляда от дороги позади них не оторвал.

Холден поднялся первым и обернулся, остановился между трапом и Амосом, поджидая взбирающуюся к ним Бобби. По направлению к городку кучкой стояли четверо – не приближались, наблюдали. С такого расстояния не различить было, присутствовали они на совете или это кто-то новый. Бобби стукнула по панели, трап втянулся.

– Как прошло? – Амос поднялся и отступил от внешнего люка.

Бобби включила закрытие дверей и повысила голос, перекрывая сервомоторы:

– Вернулись без стрельбы. По моему счету, это победа.

Открылась внутренняя дверь, и Амос убрал винтовку в шкафчик, выглядевший при такой странной ориентации ящиком комода. Холден прошел вдоль стены, направляясь в рубку. Которой полагалось быть наверху, а сейчас она оказалась слева.

– Рад буду отсюда выбраться, – бросил он на ходу.

Амос улыбнулся обычной пустой и дружелюбной улыб-

кой и пошел за ним. Наоми с Алексом сидели в амортизаторах, разыгрывая сложную боевую позицию – игра, к которой они пристрастились в последние пару лет. Холден ободрился, увидев у них на экранах изображение дороги, ведущей от корабля к городку. Как бы ни убивали время, за местными они приглядывали. На всякий случай.

– Эй, капитан, – протянул Алекс, подчеркивая ковбойский выговор. – Ну что, можно собирать пожитки и уматывать потихоньку?

– Ждем двенадцать часов, – сказал Холден, усаживаясь в свое кресло. Шарниры не повернулись. При постоянном тяготении планеты все амортизаторы были зафиксированы и рабочие посты установлены соответственно.

Наоми, извернувшись, взглянула на него:

– Двенадцать часов? Зачем?

– Я малость пересмотрел условия, – объяснил он. – Сказал, что если они выдадут нам губернатора для суда, карантина не будет.

Наоми вздернула бровь.

– А Союз об этом знает?

– Отправлю сообщение, когда двинемся обратно.

– Думаешь, Драммер это проглотит?

– Капитан меняет правила? – Амос пожал плечами. – По мне, дело ясное, как нос на лице. Если она не оставила места для маневра на этот случай, сама виновата.

– Я не собираюсь наказывать всю колонию за дела

нескольких управленцев, – объяснил Холден. – Хорошие парни не прибегают к коллективным наказаниям.

– Без двенадцатичасового уведомления? – уточнила Наоми.

Холден пожал плечами.

– Это окно позволит им сделать выбор. Если у них будет шанс выбрать другое, а они упрутся, у меня будет полегче на душе. Мы хотя бы попытались.

– «Полегче» – в смысле «не загрызешь себя насмерть»?

– Не насмерть, – согласился Холден, откидываясь в гель. Голове и плечам стало прохладно. – Но все равно мне не нравится все это дело с «отрезать народ от самого необходимого».

– Соглашался бы взять на себя Союз, когда был случай, – заметил Алекс. – Тогда распоряжался бы по-своему.

– Хотелось бы верить, – ответил Холден.

* * *

Двенадцать часов. Для Фригольда – ночь и часть дня. И маловато времени, чтобы сообщение прошло от «Роси» к Медине и к президенту Союза перевозчиков и вернулось обратно. Если Драммер впадет в раж, ответ от нее захватит их на разгоне к Медине. Если бы мог, Холден дал бы фригольдерам больше времени на раздумья. Но скорость света есть скорость света.

Как иронично соотносятся угрозы и масса. Сообщения, голоса, культура, беседы обгоняют самые быстрые корабли. Это, по меньшей мере, придает особую важность убеждению и аргументам. Передать с планеты на планету идеи легко. Перевозить предметы трудно. Но это при условии, что те, на другой стороне, готовы слушать и менять свои взгляды. Во всех прочих случаях оставались, как встарь, военные корабли и угрозы.

Холден спал, когда наконец пришел ответ.

– Просыпайся, – позвала Наоми. – У нас посетители.

Он протер глаза, свесил ноги на стену, ставшую теперь полом, ладонью пригладил волосы и тупо уставился на экран. Перед кораблем собралась толпа. Пару лиц он помнил по вчерашней встрече. А посреди толпы был губернатор Хьюстон, прикрученный к широкой серой керамической тачке. Облегчение, разлившееся по всему телу, умерялось лишь перспективой многомесячного полета с разжалованным губернатором на борту.

Холден включил связь.

– Говорит капитан Холден. Погодите, мы выходим.

– Осторожней, – посоветовала Наоми. – Не верь глазам своим.

– Точно, – согласился он и вызвал рубку. – Алекс, ты там?

– Спит, – отозвалась Кларисса. – Я прогрела ОТО, Амос и Бобби уже идут к шлюзу. Если это ловушка, то весьма неудачная.

– Спасибо, – поблагодарил Холден и вдоль лифтовой шахты пошел к шлюзу. Ему навстречу неслись голоса Бобби и Амоса.

– Предупредите, если от меня потребуется не только наблюдение, – попросила Кларисса и прервала связь.

Когда открылся люк, Холден спустился по трапу первым. Остролицая женщина с густой сединой в черных, стянутых узлом на затылке волосах, выступила вперед.

– Капитан Холден, – начала она, – я – исполняющий обязанности губернатора Семпл Маркс. Мы принимаем требования вашего правительства.

– Благодарю вас, – отозвался Холден, пока Бобби съезжала к нему по трапу. Амос, позвякивая винтовкой, следовал за ней.

– Мы подаем официальную претензию к Союзу за вмешательство в наш суверенитет, – продолжала Маркс. – Это внутреннее дело Фригольда.

– Предоставляю вам решать дело с Союзом, – ответил Холден. – Спасибо за гибкость в этом вопросе. Мне не хотелось запирать вашу систему в карантин.

Глазами Маркс сказала: «А мне сдается, хотелось», но промолчала. Бобби подняла пленника на ноги. Не считая красных пятен, лицо Хьюстона было пепельно-серым. Он определенно не в себе.

– Эй, – окликнул Амос. И, выждав, пока Хьюстон найдет его взглядом, продолжил: – Я Амос, а это Бобби. Мы уже ис-

полняли такие обязанности, так что установились правила, которые вам стоит очень внимательно выслушать…

Глава 5
Драммер

Драммер хотелось бы уснуть, но не получалось. Койка была предназначена для двоих: для нее и Сабы. Гелевый амортизатор позволял вволю обниматься, пока «Дом народа», первый и величайший из космических городов, раскручивался или двигался на малой тяге, и разделял тела, если резкое ускорение начиналось неожиданно, заставая их во сне. Удерживая равновесие, чтобы поворот амортизаторов не разбудил Сабу, она заглянула в настенную консоль системы. До подъема еще два часа. Выспаться как следует не хватит, но и незаметно они не пролетят. По иным меркам Драммер была самой влиятельной женщиной на тринадцать сотен миров, но от бессонницы это не избавляло.

Саба шевельнулся во сне, пробурчал что-то неразборчивое. Драммер погладила его по спине, сама не зная, успокаивает или хочет разбудить. Саба выбрал первую версию, уютно поворочался в геле, как уминающий подстилку гнезда зверек – обычай, дошедший от времен, когда дерзкий хомячок, предок человека, прятался в норке от динозавров.

Она улыбнулась в темноте, отгоняя разочарование. Неплохо бы пойти пописать, но если она сейчас встанет, то уж точно разбудит Сабу, и ей будет стыдно. «Дом народа»

бормотал вокруг, словно радуясь ее возвращению.

В каком-то смысле у нее больше не было дома. С тех пор как она стала президентом. Была квартира на Медине рядом с административным уровнем. И капитанская каюта Сабы на «Малаклипсе». Прежде, когда она еще не возглавила Союз перевозчиков, этого хватало. Теперь у нее своего места оказалось столько, что всего не осмотришь. Как будто дворец накрошили на куски и разбросали на световые годы по космосу. Станция Медина, Церера, Паллада, Япет, Европа. «Вандерпол» был в ее распоряжении, пока Драммер занимала этот пост. На ПСЛ-5 для нее держали квартиру, будут держать и на других перевалочных станциях, когда их построят. И на всех трех космических городах, составляющих хребет астерских владений: на Независимости, Страже врат и Доме народа.

В покое реактор Дома народа пребывал в невесомости, семьдесят технических и инфраструктурных палуб плащом окутывали барабан. Причал с одной стороны, двигатель – с другой. Магнитные поля – мощнее подвесок маглева – отделяли реактор от уровней барабана, позволяя ему сохранять неподвижность, когда он переключался с гравитации тяги на вращение. В барабане помещения и переходы были приспособлены к смене направлений: при работе двигателя полы становились перпендикулярны направлению тяги, а когда двигатель отдыхал, разворачивали население ногами к звездам на мягкой десятой *g*. Этого хватало, чтобы создать

постоянное ощущение верха и низа, но не обременяло даже самых адаптированных к невесомости. Здесь не корабль – здесь город, никогда не знавший тяжести гравитационных колодцев.

Саба, не открывая глаз, потянулся и зевнул. Драммер провела ладонью по его жестким волосам – на сей раз немножко настойчивей. Глаза открылись, в них мелькнула и пропала его обычная озорная усмешка.

– Проснулся? – спросила она, стараясь говорить мягко, но про себя желая услышать в ответ «да».

– Да.

– Слава богу, – сказала она и, вытянув себя из койки, отправилась в гальюн. Вернувшись, застала голого Сабу перед чайной машиной, предоставленной в единоличное распоряжение президента. Они жили вместе уже добрых десять лет, и возраст Сабы начинал сказываться в мягкости брюшка и округлости лица, а все же он был еще очень хорош собой. Иногда при виде его Драммер задумывалась, доведется ли ей стареть с таким же изяществом. Надеялась, что сумеет, а если и нет, что он этого не заметит.

– Еще одно прекрасное утро в кулуарах власти? – осведомился он.

– С утра слушания по бюджету, после полудня одобрение сделки. И Кэрри Фиск с ее треклятой Ассоциацией Миров.

– И рыба по пятницам, – добавил он, оборачиваясь, чтобы вручить ей грушу горячего чая. «Дом народа» проводил в

невесомости так мало времени, что с тем же успехом можно было завести земные чашки. Но Драммер так и не собралась.

– Что за Ассоциация Миров?

– В том-то и вопрос, да? – отозвалась Драммер. – На данный момент это – пара дюжин колоний, полагающих, что я их лучше услышу, если станут говорить хором.

– И потому ты ими недовольна?

– Не то чтобы недовольна. – Драммер отпила чаю. Оказался зеленый, сдобренный медом и все еще слишком горячий. – Они в том или ином виде существовали еще при Санджрани. До сих пор все сводилось к суровым формулировкам пресс-релизов и громким политическим декларациям.

– А теперь?

– Суровые пресс-релизы, декларации, изредка собрания, – сказала она. – Но теперь это действительно кое-что значит. Я не привыкла выделять им время в повестке.

А теперь, похоже, придется.

– А что с Фригольдом?

– Вопрос скорее в Обероне, – заметила она. – Поговаривают, что они продвинулись к универсальному полипептидному кросс-генератору.

– А это еще что, если попроще?

Это был механизм, превращающий ядовитое несъедобное варево любой биосферы на входе в пригодный для человека продукт на выходе. Что в перспективе десяти-пятнадцати лет означало конец монополии Сол на почву и сельскохозяй-

ственные материалы. А также – что Оберон становится новой сверхсилой в широко разбросанной человеческой диаспоре, если только Земля с Марсом не вздумают отправить за врата флот и начать первую межзвездную войну.

Конечно, если прорыв не окажется надуванием щек и обманкой – а этот вариант она тоже не готова была списать со счетов. Говорят, любая великая нация держится на лезвии ножа и вранье.

– Мне не следовало об этом говорить, – сказала она. – Извини. Зря упомянула.

Лицо Сабы на миг застыло, но он снова выдавил улыбку. Он терпеть не мог, когда она от него закрывалась, но как бы она ему ни доверяла, как бы тщательно ни проверили его безопасники Союза – к системе власти он не принадлежал. Драммер столько времени посвящала укреплению секретности, что не могла игнорировать ее сама.

– Суть в том, – начала она, стараясь умаслить его, не сказав в то же время ничего лишнего, – что Фригольд, помимо прочего, – предупреждение Оберону, чтобы не зарывался, а Кэрри Фиск с ассоциацией шмыгают поблизости, вынюхивая, нельзя ли тут и им чего-то урвать.

И в том числе – сколько они сумеют из меня выжать.

Саба кивнул и, к некоторому ее огорчению, начал одеваться.

– Стало быть, опять дворцовые интриги, савви са?

– К ним все сводится, – виновато и злясь на себя за это,

ответила Драммер.

Саба чуял приближение бури, когда она сама еще ничего не подозревала. Шагнув к ней, он опустился у ее ног, уткнулся головой в колени. Драммер захлебнулась смешком и снова потрепала его по волосам. Она знала, что почтительность эта – притворная. И он тоже знал. Но пусть и в шутку, он преклонился перед ней, а это кое-что значило.

– Остался б еще на ночь, – предложила она.

– Никак нельзя. У меня команда, груз, и репутацию вольного мужчины надо поддерживать.

Усмешка в его голосе чуточку смягчила укол.

– Ну, тогда возвращайся поскорей, – сказала она. – И не смей больше подцеплять мединских девиц.

– Я никогда тебе не изменю.

– Это чертовски точно. – Теперь смешок прозвучал в голосе Драммер. Она знала, что любить ее не просто. С ней и работать-то было непросто. Во всей вселенной немного нашлось бы людей, способных управиться с ее настроениями, и один из них – Саба. Он умел это лучше всех.

Система тикнула – будто треснула бамбучина. Воган, первый заход за день. Скоро начнутся брифинги, совещания, собеседования не для протокола с людьми симпатичными, доверенными или нужными – но никто из них не сочетает в себе всех трех достоинств. Вздох Сабы она скорее угадала, чем услышала.

– Оставайся, – попросила Драммер.

– Давай лучше ты со мной.

– Я тебя люблю.

– Те амо, Камина. – Он поднялся на ноги. – Я мигом слетаю на Медину и обратно, ты и оглянуться не успеешь.

Они коротко поцеловались, потом он ушел, и каюта опустела. Стала гулкой, как колокол. Система снова щелкнула.

– Буду через пять минут, – отозвалась Драммер.

– Да, мэм, – сказал Воган.

Она оделась, уложила волосы и явилась в кабинет минут через пятнадцать, но Воган не стал ее попрекать.

– Что сегодня первым? – спросила она, принимая от него чашечку белой дробленки под соусом.

Он чуть заметно промедлил с ответом. Чуть – но заметно.

– Поступило сообщение от капитана Холдена с «Росинанта».

– Если коротко – о чем?

На сей раз заминка была очевидной. – Вы лучше посмотрите сами, мэм.

* * *

Зал совещаний располагался на внешней палубе барабана. Сила Кориолиса в космическом городе была мелочью по меркам привычных к кольцевой станции, а вот пришлые, знакомые только с массой и гравитацией ускорения, до сих пор находили ее утомительной. Стены здесь были серые с

жемчужным отливом, титановый, привинченный к палубе стол отделан светлым бамбуком. Драммер восседала во главе стола всем напоказ. Большинство присутствующих – Эмили Сантос-Бака, Ахмед Маккалилл, Тарьян Хонг и прочие представители совета и бюджетного отдела, знакомые с перепадами ее настроения, – умели обходить их на цыпочках. А вот бедняга, выступавший с презентацией, видел ее впервые.

– Это вопрос приоритетов, – говорил он. Звали его Фаиз Окойе-Саркис, и выступал он от имени какой-то неправительственной, неакадемической группы, проталкивавшей научные исследования. «Институт Чернева» с базами на Ганимеде и Луне. – За последние десятилетия, с самой бомбардировки Земли, огромное, огромное большинство исследований посвящалось увеличению урожайности и инфраструктуре. И воссозданию технологии, сотворившей протомолекулу и станцию Кольца. На каждой планете, где мы побывали, имеются артефакты и образцы старой технологии.

– Да, – вымолвила Драммер. Подразумевая: «К делу».

Окойе-Саркис улыбнулся, как человек, не сомневающийся в своем обаянии.

– Когда моя жена училась в университете, – продолжил он, – ее полевая практика включала изучение грызунов, адаптировавшихся к зонам высокой радиации. В старых реакторах и на ядерных испытательных полигонах. Они сумели вписаться в искусственно созданную среду. Созданную людьми. Ну так теперь мы – такие же грызуны. Мы адапти-

руемся к пространствам и среде, сохранившимся после создавших все это видов. Мы наблюдаем гигантские перемены в области технологии, и можно предвидеть, что это только начало.

– Прекрасно, – кивнула Драммер.

Окойе-Саркис сделал глоток воды из груши. И наморщил лоб, понимая, что теряет аудиторию в ее лице. Оставалось надеяться, что это заставит его сократить презентацию, пропустить скучную часть и перейти к той, где она сможет согласиться или отказать, чтобы скорей вернуться к работе.

– Высказывалось много соображений относительно того, что за существа построили все обнаруженное нами. Были ли они мыслящими индивидуумами, подобно нам, или разновидностью разумного улья. Представляли они сообщество одного вида или согласно действующий ансамбль взаимосвязанных видов. И – понимаю, это звучит дико – состояли ли они в тех же отношениях с материей, что и мы. Высказывалось много великих мыслей. Великих теорий. А вот испытать их пока не было возможности. Институт Чернева стремится стать наконечником копья для исследований нового поколения, касающихся глубочайших вопросов, воплощенных во вратах-кольцах. Кто или что их создало? Что случилось с этими видами между их броском на Фебу и созданием врат Сол? Оставили ли они записи, доступные нашему пониманию? Мы предполагаем, что где-то в системах по ту сторону врат или в самих вратах мы найдем своего рода Розеттский

камень. Нечто, связующее все наши открытия в единый контекст. Наша цель – внести новое в такие науки, как материаловедение, изучение высоких и низких энергий, биология, ботаника, геология и даже философия.

Драммер откинулась на стуле, склонила голову к плечу.

– Так, по-вашему… беда в том, что перемены слишком медлительны?

– Ну, я считаю, прогресс всегда лучше и эффективнее, если…

– Поскольку, на мой взгляд, – перебила его Драммер, – мы едва-едва управляемся с тем, что уже лежит на тарелке, не вижу, каким образом нам помогут дополнительные заморочки.

– Это и должно помочь справиться с дополнительными заморочками, – возразил докладчик.

Он вел свою линию уверенно и властно – Драммер уважала такую манеру. Харизматичный паршивец. Она понимала, почему прислали именно его. По левую руку от нее Эмили Сантос-Бака откашлялась в том смысле, что она ни на что не намекает, но если бы намекнула, то могла бы многое сказать. Злыдней предстояло выступить Драммер. Она сознательным усилием загнала раздражение вглубь.

– Справедливо, – выговорила она. – И при чем же здесь Союз?

– Союз перевозчиков может способствовать нашей работе в нескольких отношениях. В первую очередь, разумеется,

контрактом, обеспечивающим переходы кораблей института. Мы намерены вести полевые работы на полудюжине планет, выглядящих наиболее обещающими для предварительных исследований. Но прежде нужно туда добраться.

Он ухмыльнулся, приглашая ее ответить улыбкой.

– Разумно, – признала Драммер.

Его улыбка стала свободнее.

– Во-вторых, мы хотели бы начать переговоры относительно… Союз перевозчиков занимает исключительную позицию. Плоды наших работ окажутся для него выгоднее, чем для кого-либо во всех системах.

– И потому вы ожидаете от нас поддержки, – подытожила Драммер. – Я правильно поняла?

– Я собирался привести для этого множество оснований, – признался Окойе-Саркис, – но… да.

– Как вы понимаете, мы – не государство, – сказала Драммер. – Мы – Союз перевозчиков. Мы доставляем грузы с места на место и охраняем инфраструктуру, позволяющую нам этим заниматься. Научные связи не по нашей части.

Окойе-Саркис обвел глазами стол в поисках сочувственного взгляда. Может быть, даже нашел несколько таких. Драммер сама понимала, что реагировала бы подругому, поступи его предложение днем раньше. Но послание Холдена с Фригольда…

– Институт уважает это обстоятельство, мэм, – ответил Окойе-Саркис. – Мы – совсем новый проект, но я полагаю,

потенциально он обещает всем реальную выгоду. Я захватил аналитику наших целей и могу оставить вам и тем вашим сотрудникам, кто пожелает их изучить.

– Хорошо, – кивнула Драммер.

– Что до соглашения по переходам, не хочу на вас давить, но мы еще собираем спонсоров, а оплата…

– Представьте нам ваши предложения, – оборвала Драммер. – Совет их рассмотрит. Я соглашусь с любым его решением относительно снижения или отмены оплаты.

– Благодарю вас, мадам президент! Прекрасно. Большое вам спасибо!

Ученый буквально откланялся, выходя из зала. Драммер вычеркнула последний пункт утренней повестки. Список дел на вторую половину дня выглядел ничуть не короче и по меньшей мере столь же раздражающим. Сантос-Бака, поймав ее взгляд, подняла бровь.

– Любопытное предложение. Вызовет оживленные споры, – заметила она, подразумевая: «Вижу, ты подкинула совету очередную работенку».

– Необходимо, чтобы совет участвовал в принятии серьезных решений, – ответила Драммер, подразумевая: «Переживете». Эмили хихикнула, и Драммер, наполовину против воли, улыбнулась ей. Но улыбка сразу пропала.

Она перетерпела неизбежную светскую болтовню и любезности, начинавшие и оканчивавшие совещания, и при первой возможности сбежала к себе в кабинет. Воган или

кто-то из его службы оставил ей тарелку соевой пасты с грибами и стакан вина. Драммер начала с вина.

Она вывела на свой дисплей систему Сол целиком. Планеты, космические города, станции. Астероиды вели сложный танец по орбитам, держась в островках стабильности, созданных гравитацией и географией системы. Все это походило на земной снегопад. Драммер никогда не видела снега и не знала, насколько точно это сравнение.

Она срезала бóльшую часть информации, оставив столько, чтобы человеческому глазу под силу было разобраться. Вот «Дом народа» – на орбите Марса, но поодаль от планеты. А вот, ближе к Кольцу, Независимость. В ответ на запрос высветился «Малаклипс» – одинокий желтый огонек, сидевший как бы прямо на макушке Дома народа. Как будто и не взлетал.

Это от мелкого масштаба. Два огонька на дисплее в реальности разделяли уже сотни тысяч километров. Вдвое больше окружности Земли, и с каждой секундой расстояние увеличивалось. Просто этот непреодолимый разрыв между ней и Сабой был ничем в сравнении с великой пустотой вокруг. Здесь, в системе, и там, во всех системах за вратами.

Даже ее, рожденную в космосе, это ошеломляло. А все как будто ждали, что она управится за них. Возьмет все на себя, чтобы они чувствовали: кто-то как-то за все отвечает.

Вслух Драммер никогда об этом не говорила, но в душе таила тоску по положению дел в ее юности. Когда Пояс был

АВП, Земля и Марс – врагами. В те времена казалось, это непомерно много. Но в свете событий последних лет давняя ситуация выглядела маленькой, управляемой. Драммер тосковала по эпохе, выковавшей ее такой, какая она есть. Научившей ее всему необходимому, а потом перебросившей на место, где она через раз чувствовала себя самозванкой.

До «Росинанта» оставалось несколько световых часов через врата. Традиционными дорогами расстояние измерялось бы в световых веках. Она представила Холдена напротив себя за столом. Глубоко вздохнула, медленно выпустила воздух и только тогда включила запись.

– Капитан Холден. Я получила ваш рапорт о ситуации на Фригольде. Выражаясь вежливо, предложенное вами решение не пройдет…

Глава 6
Холден

– Выражаясь вежливо, – сказала с экрана Драммер, – предложенное вами решение не пройдет. Ваш образ действий потребовал бы фундаментальных изменений в Союзе. Мы не сажаем в тюрьму. Мы перевозчики, а не политики. У нас нет тюрем. Нет заключенных. Нет судей. У нас – контракты. Если кто-то нарушает условия контракта, мы выражаем протест. Затем выставляем штрафы и санкции. А затем, если они по-прежнему не выполняют обещанного, прекращаем с ними игру. Но арестовывать мы никого не арестовываем.

– Звучит злобно, – заметил Алекс.

Холден поставил запись на паузу. В рубке было темновато, как любил пилот. Пощелкивала вентиляция, гудел в костях корабля двигатель – звуки, привычные, как тишина.

– Да, – согласился Холден, – этот голос довольным не назовешь.

Алекс поскреб в бороде и сочувственно пожал плечами.

– Не хочешь досмотреть наедине с собой?

– Едва ли от этого станет легче.

Он прервал паузу, и Драммер снова задвигалась.

– А еще мы не допускаем, чтобы кто-то из капитанов зарегистрированных у нас кораблей определял политику все-

го Союза. Ваши действия на Фригольде не должны были создавать прецедента, после которого мне придется тем же образом поступать со всеми нарушителями во всех системах. Вы должны были передать сообщение. Не торговаться. Не заключать сделок. Вас выбрали для того, чтобы все наблюдавшие за происходящим – а наблюдали все – увидели, что происходит с нарушителями контракта Союза перевозчиков.

– Стало быть, предполагался в первую очередь театр, а уж затем казнь, – обратился к экрану Холден. Хоть она и не слышала его слов. Однако Драммер помолчала, опустив взгляд и собираясь с духом, словно услышала.

– Теперь мне предстоит решать, – снова заговорила она, – как с минимальным ущербом восстановить сломанное вами. Я проконсультируюсь с советом и нашими юристами и сообщу вам, когда мы примем решение. И вы его исполните. Искренне надеюсь, что выражаюсь достаточно ясно для вас.

– Мне начинает казаться, что она меня немножко недолюбливает, – промолвил Холден.

– Чуточку завелась, – успокоил Алекс. – Не принимай за личную обиду.

– А пока, – продолжала Драммер, – возвращайтесь к Медине с губернатором Хьюстоном. Пошлю кого-нибудь встретить вас на причале. Вам придется зачитать составленное для вас заявление. Возможно, это будет извинение. Или разъяснение правил Союза. Как бы то ни было, вам его доставят тотчас по прибытии. И вы воспроизведете его дослов-

но. Вселенная, Холден, не станет такой, как вам нравится, по одному вашему слову. В ней живут и другие люди. В следующий раз уважайте их мнение.

Запись кончилась. Алекс медленно, протяжно выдохнул.

– А вот это, пожалуй, уже личный выпад, – сказал он, когда Холден закрыл сообщение. Экран переключился на прокрутку рапортов системы. Выход двигателя, стабильность среды, расход тепла. «Росинант» делал то, что умел лучше всего. Чем всегда занимался. Внутренности тихо стягивались в узел. Холден не знал, от гнева, разочарования или еще чего.

Алекс хрустнул костяшками пальцев.

– Вид у тебя…

– Нет у меня никакого вида, – огрызнулся Холден.

– Она по-своему права. Колоний до черта, если мы с каждой начнем тягать плохих парней… ну, работы будет по горло. Объяснить, что, если не соблюдают правил, их не допустят к игре? Это жестко, но не меняет сути Союза, так?

– Так удобнее, – резче, чем хотел, отозвался Холден. – Верно. Да, я понимаю. Понимаю, что проще вести Союз при условии, что любой нарушитель контракта лишается его услуг и… и через десяток-другой лет, когда все колонии выйдут на самообеспечение, разрыв торговых отношений будет вроде шлепка по рукам. Но прямо сейчас? Это смертный приговор.

– Возможно, – сказал Алекс. – Хотя я слыхал, что ком-

плекс Бара Гаон и Оберон уже…

– Речь не о комплексе и не об Обероне. Речь о Фригольде. Отрезанная на три года колония не продержится, они все перемрут с голоду. Так что прямо сейчас она приказала нам их убить. Только сформулировала так, что это выглядит результатом их выбора, а не нашего.

– Ну, это да, – начал Алекс, но Холден еще не все сказал. Слова так и рвались из него.

– Они не голосовали за Драммер, – напомнил он, с силой стукнув по экрану. – Они не имеют возможности оспорить ее решение, а она держит в руках их жизнь и смерть. Она обязана руководствоваться высшими стандартами, чем «так будет удобнее». И – в любой армии любых времен, если командир отдавал преступный приказ, долгом солдата было его ослушаться.

– Так-таки в любой армии?

– В любой хорошей.

– Пусть будет так. – Помолчав, Алекс заметил: – Нас они тоже не выбирали.

– Именно! О чем я и говорю!

– И то верно.

– Стало быть, мы с тобой согласны.

– Да. И все-таки похоже, что предстоит драка.

– Похоже. – Холден откинулся на спинку амортизатора. Шарниры, проворачиваясь, зашипели. Узел в животе от этого не распустился – а он так надеялся. – Дерьмо!

– Думаешь, она все же их закроет? Восстановит карантин?

– Не знаю, – ответил Холден. – Только если она так решит, то должна будет отправить нас везти Хьюстона обратно, умирать вместе со своими. А в политическом цирке не так уж красиво выглядит, когда капитан одного из прирученных тобой крейсеров отказывается выполнять твой приказ. Ей придется это учитывать.

– Тебя послушать, все правильно, – согласился Алекс. – А все-таки любопытно, что будет дальше.

– Да уж.

Минуту они помолчали. Когда Алекс собрался заговорить снова, Холден почувствовал это сразу. Десятилетия общей жизни и работы означают, что за столом тебе не приходится просить солонку. Тут было то же самое.

– Хочешь, можем поорать друг на друга?

– Спасибо, – отозвался Холден.

Алекс кивнул. Предложение было откровенным и лишь наполовину шуточным. Еще раз проверив узел в желудке, Холден встал и направился к лифту. Алекс не стал спрашивать, куда он собрался. Вероятно, знал.

В камбузе еще пахло имбирным чаем, которым Кларисса успокаивала желудок, но ни ее, ни Амоса не было. Кухонный автомат показывал уровень запасов, Холден посмотрел на дисплей невидящим взглядом. Он прожил на «Росинанте» дольше, чем где бы то ни было. Корабль он знал лучше самого себя.

Проходя по коридору к каюте, он постарался сбросить с себя горечь и злость. К горлу подступало чувство вины.

Все равно она заметит.

Наоми лежала в койке, прикрыв локтем глаза, но дышала не так, как дышат во сне. То ли уже проснулась, то ли едва прилегла вздремнуть. Она улыбалась, и глубокие складки по углам губ украшали ее.

– Насколько плохи дела? – спросила она, не отнимая руки от лица.

Холден глубоко вздохнул и с шипением выпустил воздух сквозь зубы. Злость перешла в какое-то другое чувство. Может быть, в горе. Он скрестил руки на груди. Перевернувшись, Наоми взглянула на него. Седина у нее на висках появилась несколько лет назад и занимала все больше места. И средство против старения, которое принимала вся команда, не могло стереть морщинок в уголках глаз. Эти морщинки ее тоже красили.

– Думается, пора нам подыскивать другое занятие, – сообщил он. – Мне – так точно.

Она подвинулась, и амортизатор повернулся, приспосабливаясь к ее движению. Если на язык ей просилась шутка, желание разрядить атмосферу, то оно умерло при взгляде на его лицо. По ее реакции Холден понял, как серьезен сам. И как плохо выглядит.

– Выкладывай.

Он рассказывал вкратце – слова Драммер, о чем они гово-

рили с Алексом, какие он сделал выводы – и с каждой фразой ощущал, как рассеивается смятение, о котором до сих пор и не подозревал. Просто выговориться, осознавая, что, даже если он ошибется в словах или мыслях, она услышит, что они значат на самом деле, помогало ему разобраться. Но узел в желудке никуда не делся.

– Когда мы охотились за пиратами, я мог принять капитуляцию, – говорил Холден. – Даже Свободный флот мог сложить оружие, и тогда нам приходилось их арестовывать. А теперь я работаю на бюрократов, которые велят убивать людей из политических соображений. Я чувствую себя не арбитром, следящим за соблюдением правил, а палачом, и… по-моему, мне это не по силам.

Наоми подвинулась, освободив ему место рядом. Он прилег к ней. Койка подладилась к удвоенной тяжести.

Наоми тихо выдохнула – или хмыкнула.

– Туго нам тогда придется с работой.

– Эти колонии – они все зависят от перевозчиков, и, может быть, такое положение не навсегда, но пока они не встанут на ноги, должны иметь голос в определении правил Союза. И в том, как Союз навязывает их соблюдение. Они Драммер не выбирали.

– Они никого не выбирали. Ни Уокера, ни Санджрани, ни Па.

– Те не перекрывали торговлю. А Драммер перекрывает. Да, знаю: как посмотришь, иначе нельзя было. Пожалуй, чу-

до, что этого не случалось так долго. Но теперь случилось, и…

Из камбуза послышался голос. С кем-то заговорила Бобби: с Амосом, Алексом или Клариссой. Ответа он не расслышал, но Бобби рассмеялась. Узел еще сильнее скрутил желудок.

– Я мог бы дать сообщение для прессы, – заговорил Холден, погружаясь еще глубже в гель под тяжестью своих слов. – Оповестить все колонии о решении Драммер, объяснить, почему я считаю его неверным. Попробовал бы возглавить… не знаю, что-то вроде реформаторской коалиции. Можно бы обратиться к Ассоциации Миров, узнать, поддержат ли они.

– Ввязаться в большую драку, – без одобрения и без осуждения подытожила Наоми. Просто как есть.

– Это означало бы, что «Роси» встанет на прикол или будет на время заперт в пределах одной системы. Между Землей и Марсом и сейчас оживленная торговля. И еще Ганимед, Церера. Может, найдется и колония, достаточно развитая, чтобы мы нашли в ней себе место. Или создали его. Или я мог бы объяснить кое-кому, что происходит…

– Все уже знают, – возразила Наоми. – Драммер послала нас с оповещением. Все и так за нами следят. Каждое твое слово попадает в новости и обсуждается по всем колониям.

– Тогда я, может быть, найду кого-нибудь, кто бы завязал бой вместо меня. – Холден прикрыл глаза. – Подыскать бы

контракт внутри системы и посмотреть, что будет. Это важное дело. Только… не знаю. Только я устал.

Так устал, что не до драки мне.

– Или?

Он открыл глаза, перевернулся на бок. Наоми держала голову так, будто хотела укрыться за волной волос, – но лица не прятала. Губы у нее натянулись. Глаза встретили его взгляд.

– Помнишь, как мы впервые попали на «Роси»? – спросила она. – Мы тогда удирали от… кажется, от всех подряд. Заполучили краденый корабль. Ты спросил, хотим ли мы его продать, разделить выручку и уйти на досрочную пенсию.

Холден хихикнул.

– Тогда он стоил дороже.

– И «отставка» тогда значила больше, чем сейчас, – без улыбки добавила она. – А вдруг на этот раз ты не обязан решать за всех?

– В смысле?

– Мы оба знаем, что Алекс намерен умереть в пилотском кресле. Бобби здесь дома. У Клариссы со здоровьем неладно. И точно не скажу, но, если она решит обратиться в профессиональный хоспис на Церере или еще где, сдается мне, Амос уйдет с ней.

Холден дал этой мысли улечься. Он не понимал, что связывает Клариссу и Амоса, но связь эта была пылкой и платонической и продержалась годы. Если любовь, то с такой любовью он прежде не сталкивался, но и ничем другим это не

выглядело. Он попробовал представить себе Амоса, оставшегося на «Росинанте» без Клариссы. До сих пор он о таком не задумывался. Грустная мысль.

– Да, пожалуй, – сказал он и, помолчав, добавил: – Да уж.

– У нас подходит тот возраст, в котором Фред получил инсульт при перегрузке. И ты уже полжизни ежедневно принимаешь противораковые. Как бы они ни были хороши, на организме сказываются. Подтачивают. Так что нам еще остается? Продать свои доли, выбрать курорт на Титане и наслаждаться заслуженным отдыхом.

«Нет, – подумал Холден. – Нет, я никогда не расстанусь с этим кораблем и этими людьми. Здесь мой дом, и никакие опасности, угрозы и битвы не заставят меня его бросить. Здесь мое место. Здесь место нам всем».

Только с губ у него сорвалось другое:

– Боже, какая чудесная мысль. Давай так и сделаем.

Наоми, приподнявшись, наморщила лоб.

– Правда? У меня ведь еще в запасе полдюжины доводов, почему эта мысль не так и ужасна.

– Ну да, держи их в запасе, – ответил Холден. – Я еще не раз и не два передумаю в ближайшие недели. Но прямо сейчас жизнь под куполом на Титане звучит как лучшая идея на свете.

– И тебе не кажется, что согласие порочит твое мужество?

– Ничуть.

– Что ты подвел вселенную, не ввязавшись в очередную

драку? Потому что я и на этот счет подготовилась.

Отрепетировала отличные реплики.

– Оставь на потом, – посоветовал Холден. – Еще пригодятся. А прямо сейчас я купился.

Она расслабилась. Он снова видел в ней ту женщину, какой она была еще на «Кентербери». Время и возраст, печали и смех сострогали округлости ее щек, сделали вялой кожу на шее. Они уже не молоды. Наверное, по-настоящему чью-то красоту только и можно увидеть, когда человек врастает в себя. Холден потянулся ее поцеловать…

И всплыл с койки.

Тягу отрубило внезапно, так что движение толкнуло его в каюту и развернуло в полете. Он машинально вытянул ногу, чтобы зацепиться за скобу, но корабль разворачивался, так что с первой попытки не удалось. Наоми уже закрепилась в раме койки-амортизатора.

– Ну-ну, – заметил Холден. – Похоже, что Драммер передумала допускать Хьюстона на Медину. Прискорбно.

– Странно, что Алекс не дал предупреждения, – ответила Наоми, выстукивая по панели системы. – Алекс? Все нормально?

– Я у вас хотел спросить, – отозвался из динамика пилот. – План изменился?

Холден вытянул из кармана ручной терминал.

– Амос? Переворот – твоя работа?

– Привет, кэп, – ответил сзади настоящий Амос, вплывая

в тесноватый для него дверной проем. – Не моя. У нас новости?

По спине у Холдена пробежал холодок, не имевший отношения к температуре воздуха. Наоми уже занималась журналом и системой управления «Роси», но голос Клариссы по рации опередил ее выводы:

– Я получила тревожное предупреждение от системы воздушной циркуляции. – Ее зыбкий голос звучал сильнее обычного. – На нее пришла ручная команда из машинного – сбросить выход кислорода до нуля и залить все азотом.

– Плохо, – сказал Холден. – Нехорошо так делать.

– Я держала ручной контроль. Никто не сменит мне установки среды без моего согласия, – проговорила Кларисса с таким спокойствием, словно и не имела в виду: «Моя паранойя только что нас спасла». – Однако хотелось бы понять, что происходит.

– Машинный, мастерские и реактор – все перекрыто, – сообщила Наоми, прокучивая экран с такой скоростью, что Холден не мог уследить за показаниями. – По-моему, нам отрубили движок, но мне никак не…

Впрочем, Холден уже подтянулся в коридор. Амос прижался к стене плашмя, пропуская его, а затем толкнулся следом. Через камбуз, к лифту и на один уровень вниз. Сердце сбивалось с такта, пульс гремел в ушах, но это всего лишь адреналин. Всего лишь страх. С воздухом все в порядке.

Он надеялся, что в порядке.

Карцер представлял собой каюту, которую отделили от остальных и управление дверью которой отключили изнутри. За прошедшие годы здесь провели кто дни, кто недели и месяцы десятки пленников. Сейчас дверь была полуоткрыта, панель управления мигала, выдавая сообщение об ошибке. Холден осторожно подтянулся и заглянул внутрь – «тебя достанут из-за двери и из углов», – хотя уже заранее мог бы сказать, что увидит.

Каюта, не считая плавающего в ней мусора, была пуста. Ленточками парило стенное покрытие. Набивка матраса напоминала зависший в воздухе февральский снегопад. Яркие полоски указывали, откуда были вырваны ящички вместе с кусками направляющих планок. Стенная панель летала у койки, а на обнажившейся электронике не приходилось искать места, где закоротили дверной замок.

Губернатора Фригольда нигде не было.

– Вот это новость, – сказал Амос.

Глава 7
Бобби

В гравитации ускорения при равномерном разгоне есть свои удобства. Обычно при космических перелетах приходится унизительно присасываться днищем к вакуумному туалету. В невесомости, когда отходы ничто не удерживает, либо так, либо дели свое жизненное пространство с шариками мочи. Так что возможность просто посидеть на горшке в командном гальюне, спокойно делая свои дела, дорогого стоит. Собственно, и то, что это воспринималось как роскошь, – тоже довольно унизительно, если вдуматься.

Бобби как раз потянулась себе за спину, к раздатчику салфеток на переборке, когда без предупреждения исчезла сила тяжести. Инерция разворота толкнула ее вверх от сиденья, а штаны остались болтаться на уровне коленей. Слава богу, «Роси» мгновенно подключил вакуумную систему, избавив ее от борьбы с летучим дерьмом.

Еще кувыркаясь в воздухе, дотягиваясь до резинки штанов, она рявкнула:

– «Роси», свяжи меня с рубкой!

– Йо! – почти сразу отозвался Алекс. – Ты где…

– Ты хоть бы лампочкой подмигнул, а? Сижу в гальюне, сливаю себе, а тут… попробовал бы натянуть штаны в неве-

сомости!

– Это не я, – оправдался Алекс. – Похоже, что… э, погоди.

Система связи моргнула. По другому каналу прозвучал голос Наоми:

– Алекс? Все в порядке?

– Я вас хотел спросить, – ответил тот. – План изменился? Наоми? М-м, Бобби, по-моему, у нас ЧП.

Ей хватило его интонации. Упершись одной ступней в переборку, Бобби другой зацепилась за скобу и поддернула штаны.

– Подтверждаю, – отозвалась она бесстрастным, невыразительным голосом – в дело вступила старая десантница. – Сейчас буду.

Холдена с Амосом она нашла у дверей импровизированной тюремной камеры. Они осматривали вырванный из стены экран. Пленника на месте не было.

– Давно он смылся? – осведомилась Бобби, придержавшись рукой за дверную раму.

– «Роси» начал выдавать ошибку от этой двери чуть не час назад. – Амос поморщился. – Моя вина, кэп. Надо было обратить внимание, но я занимался…

– Забыли, – приказал Холден. – Главное – не дать ему натворить еще дел.

– Он в машинном, а то бы не сумел вырубить движок и раскрутить корабль, – подсказала Бобби.

– Там и есть, – согласился Холден. – Наоми, как может,

мешает ему устроить разгром, но ей приходится работать по удаленке, а этот тип, как видно, недурно разбирается в технике.

– А варианты? – спросила Бобби.

С тактической точки зрения ситуация была не из лучших. Если пленник заперся в машинном, да еще сумел загерметизировать расположенные над ним мастерские, им придется взламывать две двери. Даже если Наоми перехватит контроль над системой управления, физическая близость к реактору даст Хьюстону возможности, какими она не располагает. И Бобби не хотелось даже думать, что это за возможности. Холден барабанил пальцами по колену и от этого движения понемногу разворачивался в воздухе.

– Если сочтет, что выхода у него нет, может просто назло подорвать реактор, – заговорил он, высказывая вслух то, о чем подумалось Бобби. – Значит, к стандартному штурму прибегнем в последнюю очередь. Амос, это дело на твою ответственность. Бери в помощь Клариссу, пусть перепаяет дверные сенсоры мастерских так, чтобы ты сумел их отрубить незаметно для Хьюстона. Потом закрепи на двери машинного заряд шахтной взрывчатки и жди от меня сигнала.

– Понял, – ответил Амос и толкнулся по коридору. – Персик? Встречаемся у люка мастерской…

– Если я не нужна для штурма, то… – начала Бобби, но Холден остановил ее, мотнув головой.

– Ты давай к кормовому сервисному люку. Сможешь зай-

ти с тыла. Что избавит нас от весьма рискованной попытки взлома.

– Есть… – протянула Бобби. – Только при работе двигателя там доступ перекрыт.

– Наоми позаботится, чтобы движок не заработал.

– А если не сумеет?

– Ты сваришься, – кивнул Холден. – Мы тут играем наперегонки со временем. Неизвестно, когда Хьюстон решит, что смерть в огне взрыва романтичнее тюремной камеры.

– Бетси в тот люк не впишется – тесновато.

– Верно, – согласился Холден. – Но я не сомневаюсь, что ты и в одиночку надерешь ему задницу.

– И я не сомневаюсь.

– Тогда снаряжайся, десантник. На выход.

* * *

Бобби не была мастером по корабельной механике, но повернуть ключ или заварить ровный шов умела. За последние пару десятилетий, с тех пор как «Росинант» стал ее домом, она немало времени провела за бортом. Иногда с Амосом, невесть почему прозвавшим ее Бабцом и зачастую полагавшим, будто Бобби разбирается даже в том, о чем она понятия не имела. Иногда с Клариссой, которой случалось нечаянно назвать ее Робертой: та объясняла каждое свое действие подробно, словно для полного профана.

Незаметно все они стали ей родными. На Марсе еще жили ее кровные родственники, братья и племянники, но Бобби редко о них заговаривала. Чаще всего – на запись, выпущенную в пространство на кончике лазерного луча. Вместо них у нее был Амос – ворчливый старший брат, со смешком позволявший ей запороть ремонтные работы, чтобы потом переделать и больше об этом не вспоминать. И Кларисса, надоедливая младшая сестренка-всезнайка, прятавшаяся за правилами и расписаниями, как в раковину, укрывающую хрупкую сердцевину.

И еще Холден с Наоми, невольно ставшие родителями корабля. И Алекс, лучший друг, какого у нее никогда не бывало, и человек, с которым, как она недавно сообразила, она не прочь состариться вместе, хотя ни разу не видела его голым. Странно любить таких людей, выбрать их родней и своим племенем, но она полюбила и не собиралась от них отступаться.

А теперь Пэйн Хьюстон им угрожал.

– Капец тебе, парень, – бормотала себе под нос Бобби, подплывая к аварийной панели доступа в реакторный отсек. – Полный капец.

– Повтори? – тихо попросил в ухе Алекс.

Бобби спохватилась, что, выбираясь через командный люк к кормовой части, только приглушила звук, а канал оставила открытым.

– Ничего, – ответила она, снова увеличив громкость. – Я

на месте.

– Подключаю снова к главному, – предупредил Алекс, и в уши ей вдруг ворвались полдюжины голосов.

– По очереди, – приказал Холден.

– Мы нормально вышли к двери мастерских, и Персик считает, что тревоги не подняли. Заряд готов. Только скажи. – В голосе Амоса слышалось спокойствие и даже тень юмора. Так он мог бы говорить про счет в футбольном матче.

– Я поставила «Роси» в режим диагностики, чтобы запрашивал подтверждения на каждую команду из машинного, – прозвучал голос Наоми. – Но это ненадолго.

Он очень скоро начнет там все ломать по старинке.

– Говорит Драпер. Я у аварийного люка.

– Сколько нужно времени после того, как откроешь?

Бобби мысленно прогнала процедуру. Старая привычка, вбитая в голову годами муштры в самой крутой армии человечества. Планируй в деталях, прежде чем взяться за дело, потому что, когда полетят пули, времени на размышления не будет. Останется только двигаться и реагировать.

– Пятнадцать секунд, чтобы закрыть за собой. Несколько секунд, чтобы протиснуться мимо обшивки реактора – там тесно. Но на выравнивание давления нужно добрых тридцать секунд, так что выйдет то на то. Когда давление уравняется, мне и пяти хватит, чтобы пройти во внутренний люк.

– Наоми? Сумеешь в ближайшую минуту не подпускать гостя к управлению, чтобы он не сварил нашу единственную

хорошую марсианку?

– Эй, кэп, обижаешь, – со смешком вставил Алекс.

Шутки в такой момент и ободряли, и ужасали Бобби.

– Бобби, – ласково, но твердо вмешалась Наоми. – Он не доберется до реактора, пока я жива.

– Приняла к сведению. Драпер выходит на старт.

Холден только и сказал:

– О'кей.

Люк завибрировал под перчаткой ее вакуумного скафандра – Наоми запустила цикл открытия. Когда щелкнули клапаны герметизации, наружу вырвалось облачко пара. Бобби подтянулась, втиснулась в изгиб между внутренним корпусом корабля и наружной защитой реактора. Люк за спиной стал закрываться.

– Губернатор Хьюстон, – заговорил по рации Холден. – Я передаю по главному каналу, так что уверен, вы меня слышите. Вы ничего не потеряете, вступив в диалог.

Бобби, обогнув изгиб реактора, подтянулась к внутреннему люку. Панель замка светилась красным, предупреждая: «Атмосфера отс.». Таймер ее шлема показывал, что истекло всего десять секунд, значит, наружный люк еще полностью не закрылся. Значит, еще целых сорок, прежде чем можно будет открыть внутренний и на пинках прогнать Хьюстона от кормы до носа. Она освободила тяжелый пистолет в сбруе на груди и перепроверила счетчик боеприпасов. Десять реактивных бризантных осколочных. Если Хьюстон вынудит

ее стрелять, красные пятна будут отскребать месяц.

Бобби чуть не всю жизнь служила на кораблях. Уборка палубы ее не пугала.

– Ну же, – уговаривал Холден. – На данный момент мы практически ничего не позволим вам сделать. Рано или поздно вам захочется перекусить.

К удивлению Бобби, Хьюстон отозвался:

– Не-а. Я тут нашел холодильник с пивом – ваш механик припас. И в нем целый мешок кунжутных палочек.

С перцем. Островато, на мой вкус, но недурно.

– Не пил бы ты моего пива на хрен, – все так же невозмутимо посоветовал Амос.

– Так или иначе, – перебил Холден, – мы в тупике. Вам не захватить корабль, а я не прочь вернуть его себе.

Как насчет компромисса?

Бобби услышала первое шипение атмосферы за оболочкой скафандра. Закачка воздуха почти окончена. Взяв пистолет в правую руку, она левой ухватилась за ручку. Как только высветится зеленый, она окажется в одной комнате с этим засранцем.

Засранец между тем говорил:

– Не знаю, не знаю. Действительно, с отказом управления мне не справиться. Умно сделано, кстати говоря. Но, думается, снова запустить реактор я отсюда сумею, а потом, если найду нужные проводки, сумею и сорвать защиту. А вам как кажется?

– Ну… – начал Холден, но тут на внутреннем люке вспыхнул зеленый огонек, и Бобби рванула его на себя.

Главная панель реактора должна была располагаться слева по ходу. Хьюстон, скорее всего, держал связь с нее, так что Бобби определила ее первой целью. Если как следует толкнуться, она ракетой вылетит из узкого люка и, быстро перевернувшись, ударит в противоположную переборку подошвами. Оттуда у нее будет открытый обзор всей машинной палубы. Хьюстону негде укрыться.

Бобби вцепилась в кромку люка и во всю силу направила себя в помещение. Надо только…

Что-то стукнуло ее по шлему сбоку и закрутило в плоскости движения. Попытка выбросить руки, спасаясь от удара лицом по переборке, удалась только наполовину. Левое плечо хрустнуло, что-то в нем порвалось и залило кожу теплым и влажным. Отлетев от переборки, она увидела Хьюстона стоящим над входным люком. Он закрепился магнитными ботинками за переборку, а в руках держал тяжелый огнетушитель, промятый снизу.

Пистолет каким-то чудом остался у нее в руке. Чувствуя, как темнеет по краям поле зрения, Бобби силилась прицелиться. Хьюстон одним резким толчком оторвался от стены и, взмахнув, как бейсбольной битой, обрушил огнетушитель ей на руку. Два пальца хрустнули, пистолет и огнетушитель разлетелись в разные стороны.

Палуба, закрутившись, устремилась ей навстречу. Бобби

еще успела увидеть кувырком взлетающего к потолку Хьюстона. Умудрилась включить магнит перчатки и удержаться, пока не закрепилась на обшивке палубы подошвами. Случись рукопашная, ей понадобится рычаг, а значит, надежный упор для ног. Включив магнитные присоски почти на полную мощность, она увидела, как Хьюстон закрепляется на потолке.

Бобби широко раскинула руки, хотя от порванного плеча вряд ли стоило ждать много проку. И правая рука со сломанными пальцами едва ли позволит как следует ударить.

– Твое счастье, что мне нужен этот скафандр, – заговорил Хьюстон, сглотнув, чтобы восстановить дыхание. – Если б не опасался помять шлем, я вышиб бы тебе мозги.

– А тебе, – огрызнулась Бобби, – повезло, что на мне *этот* скафандр. Есть у меня и другой.

– Ну? Поговорим или потанцуем?

– Играют мою… – начала Бобби, и тут Хьюстон бросился с потолка прямо на нее. Бобби этого ожидала. Старый трюк – заговаривать человеку зубы, пока готовишь атаку. Он еще не оторвался от верхней переборки, а она уже сдвигалась влево, разворачиваясь в бедрах. Когда Хьюстон проплывал мимо, она всадила ему в челюсть правый локоть.

Зубы у него щелкнули с таким хрустом, что стало ясно – треснул не один, а все тело пошло колесом и глухо ударилось в стену. Бобби отстегнула магниты и толкнулась к нему, обхватила правым локтем за шею в удушающем захвате. В этом

уже не было нужды. Глаза у пленника закатились, из разбитого рта с дыханием выдувались кровавые пузыри. С одного удара. Как в старые времена.

– Гостя уложила в кроватку, – по рации сообщила Бобби, после чего подтащила Хьюстона к стенной панели и отключила замок люка. – Амос, ты бы снял с двери свою бомбу, пока я не открыла, а?

Бобби сидела на камбузе – левая рука подвязана, правая – в лубке, свитом для нее кораблем из углеродного волокна. Холден расположился напротив с дымящейся чашкой кофе. Чашку удерживали на столе нежные три десятые g.

– Ну, вот, – заговорил Холден и прервался, чтобы подуть на кофе. – Парень оказался малость способнее, чем я ожидал. Спасибо, что спасла мой корабль.

– Я его как бы и своим считаю, – улыбнулась Бобби.

Холден есть Холден. Всю тяжесть плохого берет на себя, а за все хорошее преувеличенно благодарен другим. Без этого он был бы не он. Он видел в каждом беззаветный героизм – потому что хотел видеть. Ему это свойство доставило в жизни немало проблем – слишком часто люди оказывались не такими, какими ему бы хотелось, – но сейчас вышло хорошо. Корабль спасен. Никто не погиб. Даже Хьюстон, хотя, если не приглядывать за Амосом, еще неизвестно, чем кончится.

– Забавно, что ты об этом заговорила, – заметил Холден. Он так долго занимался своим кофе, что Бобби успела запамятовать, что сказала. – А ты бы не хотела его у меня купить?

– Я… – начала Бобби. И вскинулась: – Погоди, что ты сказал?

– Мы с Наоми подумываем дернуть кольцо. Сколько лет уже занимаемся этой фигней. Пора поискать спокойное местечко. Посмотреть, как нам это понравится.

Такого удара ей не сумел бы нанести Хьюстон. Боль, зародившись под ребрами, пошла вверх. Бобби еще не поняла, что это означает.

– И вся команда?.. – начала она, не зная, чем закончит.

– Нет. Как сказала недавно Наоми, Алекс предпочтет умереть в пилотском кресле. Тому, кто купит корабль, придется с этим смириться. И не скажу, что думает делать Амос, понимаешь ли, после…

После. Он имел в виду: «после смерти Клариссы».

– Я деньги большей частью откладывала, но вряд ли смогу позволить себе военный корабль, – постаралась перевести дело в шутку Бобби.

– С финансами разберемся. Разделим на шесть долей, потом для каждого установим план выплаты. До сих пор мы зарабатывали столько, что управимся проще простого. А новой команде уж будешь платить сама. «Роси» – твой корабль.

– Почему мой, а не Алекса?

– Потому что ни от кого на этом корабле я не принял бы приказа охотнее, а я хуже всех на свете умею подчиняться приказам. Из тебя выйдет фантастический капитан, и репутацию корабля ты сохранишь. Странное дело, но она меня

заботит.

Бобби проглотила что-то застрявшее в горле и выпрямила спину. Едва удержалась, чтобы не встать по стойке смирно. Военные традиции умирают с трудом, а капитан, сдающий командование над своим судном, – это почти святое.

– Сберегу, уж поверь, – кивнула она. – Скорее позволю превратить нас в газовое облако, чем замараю честь и доброе имя этого корабля.

– Верю. Так что – да?

– Только хотелось бы мне знать… – начала Бобби.

Холден кивнул и отхлебнул кофе, ожидая продолжения.

– Хотелось бы знать, каким станет мир без скачущего ему на выручку Джеймса Холдена.

– Сдается мне, все сочтут, что дела идут гладко как никогда, – ухмыльнулся Холден.

– Хотелось бы знать, – повторила Бобби.

Глава 8
Син

Когда загудел оставленный на столе комм, Сину снилось, что он скитается по коридорам огромного корабля.

– Да, – каркнул он, еще не открыв глаз. Вздремнуть у себя в каюте – не преступление. Он не уклонялся от обязанностей. А пробный рейс «Предштормового» не первую неделю требовал работы по шестнадцать, а то и восемнадцать часов в сутки. Офицер и командир не может сохранять эффективность, если не сумеет урвать часок сна.

И все же в глубине души он предпочел бы, чтобы команда не догадывалась. Как будто признание, что его организм, как у всех, требует отдыха, равнялось признанию в слабости.

– Сэр, мы подходим к точке рандеву с «Сердцем бури», – сообщила офицер-навигатор, лейтенант Трина Пелау. – Вы просили…

– Да-да, совершенно верно. Иду, – отозвался Сантьяго, выкатываясь из койки и взмахом руки зажигая свет.

Каюта служила ему и кабинетом, и красная папка с приказами адмиралтейства лежала на рабочем столе. Син раз пятнадцать просмотрел их, пока его не сморил сон. Оставив приказы на виду, он нарушил правила оперативной секретности, за что младший офицер на его месте схлопотал бы вы-

говор. Возвращая папку в сейф, Син велел кораблю сделать отметку об этом упущении в его личном журнале. По крайней мере, останется в записи, а уж начальство пусть потом решает, требуется ли дальнейшее расследование. Син надеялся, что не потребуется.

Еще минутку он потратил, чтоб умыть лицо в личном туалете. Холодная, жгучая вода была одним из преимуществ его положения. Мундир он надел свежий. Капитан задает тон для подчиненных. Он как минимум требовал от своих офицеров являться на службу в чистой, отглаженной форме, а значит, и сам обязан соблюдать это правило. Приведя себя в порядок, он открыл дверь, отделявшую его личное пространство от мостика.

– Капитан на мостике! – отчеканил вахтенный.

Офицеры, свободные от активной работы на постах, встали и отдали честь. Даже отполированные до блеска панели, казалось, излучали почтение, если не к нему как к человеку, то к его власти. Синева стен подражала цвету флага, эмблема корабля – три сплетенных треугольника – была вделана прямо в обивку. Она пробудила в капитане глубокую, почти атавистичную гордость. Его корабль. Его команда. Его долг.

– Полковник Танака здесь? – спросил Син.

– Полковник на совещании со своим штабом, сэр.

В нем шевельнулась легкая обида, не столько на шефа безопасности, сколько на самого себя. Он же собирался поговорить с ней наедине до встречи с адмиралом Трехо. Неофи-

циально он слышал, что Танака и Трехо знакомы друг с другом, и хотел узнать ее мнение об этом человеке.

Но теперь уже поздно.

– Управление сдал, – доложил его помощник Дэвенпорт.

– Управление принял, – отозвался капитан Син, садясь в свое кресло.

– «Буря» отключила тягу и ожидает нас, – сказал начальник службы управления полетом, выводя на главный экран карту-схему. – При текущем торможении стыковка через двадцать три минуты.

– Понял, – кивнул Син. – Связь, прошу передать адмиралу Трехо мое почтение и запросить разрешения на стыковку с «Сердцем бури».

– Есть, сэр.

– Вот бы рассмотреть его как следует, – заметил Дэвенпорт.

– Ну, давайте посмотрим, – согласился Син.

На самом деле ему тоже было любопытно. Конечно, все они получили сводку по конфигурации крейсеров класса «Магнетар», первым из которых стал «Сердце бури». Старые, класса «Протей», шли на списание, а новое поколение только вводили в строй. Син видел десятки ракетных чертежей и фото кораблей на стапелях и наслушался о новых технологиях, задействованных в их конструкции. Но случай собственными глазами посмотреть на самый мощный боевой корабль Лаконии в своей стихии выпал ему впервые.

– Сенсоры, дайте-ка приближение.

– Есть, сэр, – откликнулся офицер службы наблюдения, и главный экран переключился со схемы на телескопическое изображение приближавшегося корабля.

Кто-то тихонько ахнул. Даже Дэвенпорт с его чуть не десятилетним опытом флотской службы бессознательно отступил на полшага.

– Господи боже, и большущий же! – вырвалось у него.

«Сердце бури» был одним из трех кораблей класса «Магнетар», уже сошедших с орбитальных стапелей. «Глаз тайфуна» приписали к внутреннему флоту для обороны Лаконии. «Голос вихря» еще рос среди шипов и выростов чужеродных конструкций. И, хотя флот составляли уже более сотни кораблей, «Магнетары» далеко превосходили остальных величиной и мощью. «Предштормовой» Сина был последним из быстроходных истребителей класса «Пульсар», а «Буря» могла бы принять в трюм дюжину таких истребителей.

Корабли класса «Пульсар» делали высокими и стройными. На взгляд Сина, они даже напоминали старые земные корабли. А «Сердце бури» был основательным, тяжеловесным. Формой он походил на одинокий позвонок гиганта ростом с целую планету. И бледным был, как кость, даже там, где изгибы корпуса отбрасывали тени.

В нем, как во всех кораблях, строившихся на лаконских орбитальных верфях, ощущалось нечто не вполне человеческое. Имелись и антенны датчиков, и орудия точечной обо-

роны, и рельсовые пушки, и шахты торпед, но под самозарастающей обшивкой скрывалась поверхность, больше всего похожая на кожу. Выращенную, хотя и не живую. И в геометрии просматривалось что-то от фрактала. Словно кристалл, разворачивающий молекулярное строение своей решетки в формах высшего порядка.

Син не занимался протомолекулой и выросшими из нее технологиями, но ему становилось не по себе от мысли, что создания людей в какой-то мере сконструированы вымершими тысячи лет назад видами. Сотрудничество с мертвецами вызывало к жизни вопросы без ответов. Почему сборочное устройство делает такой, а не иной выбор? Почему двигатель размещается там, а не здесь, почему внутренняя система симметрична, а наружная форма корабля – не совсем? Так эффективнее? Или эстетичнее, на взгляд вымерших мастеров? Точных ответов нет и никогда не будет.

– «Буря» ответила, – доложили со связи.

– Передаю управление стыковочному доку, – добавил рулевой, и экран переключился с общего вида на схему последнего участка маршрута к «Сердцу бури».

– Прекрасно, – улыбнулся Син.

Адмиралтейство доверило ему один из шедевров лаконского кораблестроения, наполнило корабль серьезными, целеустремленными офицерами и рядовыми. Для первого назначения лучшего не приходилось и желать.

То, что его корабль оказался на острие имперского копья,

можно считать глазурью на торте.

– Адмирал Трехо с наилучшими пожеланиями, – заговорил офицер связи, – приглашает вас отобедать с ним в его столовой.

Син обернулся к своему старпому:

– Останетесь на «Предштормовом», команду не распускать. Мы понятия не имеем, какой прием ждет по ту сторону врат. Может, потребуется с ходу вступить в бой.

– Есть, капитан.

– Швартуйтесь. Я в носовой шлюз. Мистер Дэвенпорт, сдаю вам управление.

* * *

Оперативный офицер «Бури», второй помощник капитана Трехо ждала его по ту сторону шлюза. Строго говоря, они были в одном чине, но по традиции Син, как капитан корабля, считался старше. Отдав честь, она приветствовала его на борту.

– Адмирал встретил бы вас сам, – объясняла она, провожая гостя от шлюза по короткому коридору к лифту. Стены на «Буре» голубовато мерцали, словно покрытые заиндевелым стеклом. Совсем не похоже на переборки «Предштормового». – Однако вблизи врат он не хотел бы покидать мостик.

– Вы ведь Фишер? В академии учились курсом младше

меня?

– Да, – она кивнула. – На инженерном. Все говорили, что логистика – кратчайший путь к капитанскому мостику, но мне просто нравится работать с экзотической техникой.

Она отстучала на стенной панели вызов лифта. Пока его ждали, переборка сменила цвет с голубого на желтый.

– Держитесь. – Фишер указала на подручную скобу. – Сейчас включат двигатель.

Почти сразу обоих повело к палубе, Син ощутил нарастание веса до половины *g*.

– Не спеша, – прокомментировал Син, когда лифт, мягко бибикнув, открыл дверь.

– Адмирал – человек осторожный.

– Это говорит в его пользу, – заметил он, уже поднимаясь.

Адмирал Трехо оказался невысок и коренаст, с яркими зелеными глазами и редеющими черными волосами. Он родился в долине Маринера на Марсе, но акцент в его речи почти не ощущался. Ни у кого другого в лаконской армии не было столько наград – его карьера уходила еще во времена, когда марсианский флот охотился за пиратами, а врат не существовало. Его тактику изучали в академии, и, по мнению Сина, к его карьере вполне подходило определение «гениальный полководец».

Он ожидал, что частная столовая адмирала и командующего флотом будет больше и роскошнее капитанской на «Предштормовом». На деле же им просто опустили склад-

ной столик в чуть более просторной каюте-кабинете адмирала. Эстетика отличалась лишь постольку, поскольку различались сами корабли.

– Сынок! – Трехо позволил ему ответить на салют и тут же, схватив за руку, с силой встряхнул. – Наконец все на своем месте. Волнующий момент. Ты посидишь или предпочитаешь экскурсию по кораблю?

– Адмирал, – ответил Син, – если возможна экскурсия, для меня было бы честью осмотреть корабль.

– Есть на что взглянуть, а? Ты, пожалуйста, зови меня Антоном. Наедине можно без формальностей, а нам в ближайшие месяцы предстоит работа рука об руку. Хочу, чтобы ты чувствовал: ты можешь говорить, что думаешь. По мне, с офицера, который скрывает свои мнения и идеи, никакого проку.

Вот так и верховный консул, предлагая обходиться военным рангом, позволял наедине некоторую фамильярность, создавая ощущение доступности и согласия. Второй раз столкнувшись с этой манерой, Син понял, что того же ждут и от него.

– Благодарю вас, сэр. Антон. Это ценно для меня.

– Тогда идем. За один раз всего не обойти, но главное увидишь. – Адмирал Трехо первым вышел в короткий коридор к лифту – шире, чем на «Предштормовом», с округлыми углами, напомнившими Сину рот глубоководной рыбы. – Я перед свиданием освежил в памяти твою карьеру.

– Боюсь, что у меня, как и у большинства учившихся на Лаконии офицеров, очень небольшой оперативный опыт.

Адмирал отмахнулся. Они вошли в лифт. Покрытие на стенах чуть вздувалось стегаными подушечками, напоминая чешую.

– Первый на курсе по логистике. Это как раз то, что нам нужно. Я что? Я старый боевой офицер. От ваших таблиц у меня мурашки по коже.

Лифт, спускаясь, тихо шелестел, словно разом вращались миллионы крошечных подшипников или шуршали крылышки колибри. Волоски у Сина на загривке зашевелились. В «Буре» было что-то неестественное. Он словно очутился в брюхе огромного зверя и все ждал, не покажутся ли зубы.

– Да, сэр, – заговорил он. – Полученные мною приказы совершенно точно…

Адмирал опять отмахнулся.

– Забудь ты пока о приказах. На них еще будет время. А пока я хочу получше с тобой познакомиться. Ты семейный?

Второе сходство. Дуарте тоже касался его семейной жизни. Еще строчка из тайного учения лаконского командования. Син читал, что тон командования задается с самого верха. Но никогда так отчетливо не сталкивался с этим на практике. И задумался, не преднамеренно ли это? Возможно, Дуарте сознательно преподал такой урок адмиралу, а тот – ему? Было у него чувство, что так и есть.

– Да, сэр. Моя супруга работает в лаборатории нанотех-

нологий в городе Лакония. Специалист по генетике.

У нас один ребенок. Эльза.

– Эльза. Необычное имя. Очень милое.

– Это по моей матери. Нат… Наталия, моя супруга, настояла.

Лифт встал. Дверь открылась на широкую палубу. Вместо лестниц – плавные подъемы к верхним рабочим постам. Их расположение выглядело почти случайным, пока Син не отметил, что с капитанского поста по прямой просматриваются все места экипажа. Дизайн изящный и в то же время очень непривычный.

Старший помощник, заметив их, вытянулся по стойке смирно, сдавая командование, но Трехо махнул ему, чтоб сел на место. Адмирал присутствует, но не распоряжается.

– Связь с прошлым много значит, – заговорил Трехо, проходя с ним по наклонной палубе. – Преемственность. Мы чтим тех, кто жил до нас, и надеемся, что те, кого мы ввели в этот мир, отнесутся к нам так же.

– Да, сэр.

– Антон, пожалуйста.

– Антон, – послушно повторил Син, понимая, что звать адмирала по имени всегда будет для него неестественно и неловко. – Мы почти никогда не зовем ее Эльзой.

– А как же тогда? – заинтересовался адмирал.

– Чудовищем. Мы прозвали ее Чудовищем.

Адмирал хихикнул.

– По другой бабушке?

– Нет. – Син замялся, опасаясь, не сказал ли чего лишнего. Но адмирал смотрел на него, ожидая продолжения. – Мы вообще-то не были готовы к беременности Нат. Она заканчивала диссертацию, а я ходил в двух-трехмесячные патрули старпомом на «Клео».

– Никто никогда не бывает к этому готов, – заметил адмирал. – Но это понимаешь не раньше, чем все случилось.

– Да. Когда родилась Эльза, меня вернули на административный пост, а Нат пришлось перейти на более постоянную научную работу, и оба мы учились ходить по канату, пока месячная малышка весьма настойчиво предъявляла свои требования.

Трехо провел его по изогнутой палубе к боковой стене. Люк открылся перед ними диафрагмой и закрылся, пропустив. Свет исходил из углублений не шире большого пальца, расположенных по стенам в идеально правильном порядке, но мягко скругленных. Органика в подчинении у военной инженерии.

– Так вот, – на ходу продолжал рассказывать Син. – Мы страшно вымотались. И как-то утром, услышав плач Эльзы, Нат подкатилась ко мне и говорит: «Это чудовище меня убьет». Так и пошло. С тех пор она – Чудовище.

– Но вы же произносите это с улыбкой?

– Да, – кивнул Син, вспоминая личико дочери. – Да, с улыбкой. И вот поэтому я здесь.

– Хм… Поэтому вы здесь? Вы не похожи на мужчину, выбравшего побег от семьи.

– Мне больно было оставлять их позади. Пройдут по меньшей мере месяцы, пока они смогут перебраться ко мне на Медину. Если не годы. Но если я сумею оставить дочери такое человечество, каким задумал его верховный консул, дело того стоит. Галактическое общество мира, процветания и сотрудничества – лучшее наследство, какое я могу для нее подготовить.

– Какая вера, – заметил адмирал, и Син со стыдом подумал, что тот мог счесть его наивным. Но в тоне Трехо не слышалось насмешки. – Если это сбудется, то лишь благодаря искренней вере.

– Да, сэр, – сказал Син. И поправился: – Антон.

Адмирал вывел его в широкий коридор – таких широких Син никогда не видал на кораблях. «Буря» не была тесной, как другие, где конструкция требовала экономить каждый килограмм и беречь каждый сантиметр. Этот корабль самой формой стен возвещал о своей силе. Син ощутил некоторый трепет. И заподозрил, что так оно и задумано.

Двое сидевших за столом мичманов вели шутливый флирт, пока не заметили Трехо. Старший из мужчин поморщился, и оба, отсалютовав, поспешили по своим делам. Син только теперь сообразил, что с тех пор, как они вышли из адмиральской каюты, никто с ними не заговаривал. Экскурсия, хоть и непринужденная, не нарушала их уединения.

Тем же тоном, как если бы спрашивал время, адмирал сказал:

– Объясни-ка мне тактические и логистические проблемы в управлении Мединой.

Син подтянулся. Уютная беседа о семье окончена. Пора за работу. Он поддернул рукав, снял с запястья монитор и плашмя положил его на освободившийся стол. Вывел на него сводку. Син готовил ее неделями, но в душе все же таился страх: вдруг упустил что-нибудь очевидное, и адмирал сразу поймет, что его не стоит держать за серьезного специалиста. Син отстранил этот издавна знакомый и привычный страх. Над поверхностью монитора всплыло схематическое изображение Медины.

– Станция Медина, – заговорил он. – Если наши разведчики не ошибаются, там проживают сотни членов коалиции планет с персональным штатом, включая охрану. Добавим постоянных сотрудников и экипаж станции, а также заезжих членов Союза и получим, по самой скромной оценке, три с половиной тысячи человек в любое время. В действительности я предполагаю вдвое большее население.

– Если разведчики не ошибаются?

– Пассивное наблюдение, пусть и многолетнее, всегда дает бóльшую возможность ошибки, чем активный поиск. Добавляет к уровню ошибки и поверхностная интерференция врат, – объяснил Син.

Адмирал, крякнув, махнул ему, предлагая продолжать.

Син развернул схему станции, и ключевые точки на поверхности обозначились красным цветом.

– Сама станция снабжена средствами обороны. Сеть ОТО, обеспечивающая защиту от торпед, и одна торпедная установка, уцелевшая и действующая со времен «Бегемота». Восемь рельсовых, автоматическая система дозарядки, общая мощность, по нашим оценкам, до сорока торпед.

– Ядерных? – уточнил адмирал.

– Почти наверняка нет. При недостаточной маневренности и ограниченном объеме «ступицы» такое мощное оружие представляло бы опасность для самой станции.

Син подправил изображение, сфокусировав его на станции-ступице, идеальной сфере поперечником несколько километров в центре сети врат. Чистейший и наиболее активный артефакт чужаков на все миры. Поверхность сферы топорщилась шестью массивными башнями рельсовых пушек.

– Основная оборона станции – устаревшие рельсовые пушки, установленные еще людьми Марко Инароса и разоруженные по ходу последнего столкновения с его партией. Орудия размещены так, что каждое из колец могут обстреливать не менее трех пушек, а в некоторых случаях – до пяти. Конструкция наша, мы тогда поставляли оружие Свободному флоту. Устаревшие, но еще могут вести огонь со скоростью тридцать снарядов в минуту. Это, конечно, если их не модифицировали с тех пор.

– Рельсовые пушки. В древней истории Земли в портах

устанавливали орудия, способные обстрелять вражеские корабли на подходе. Земля оборонялась от моря. Мы избавились от морей и суши, но ход мысли прежний. Однако кое-что и меняется, а?

– Да, сэр.

– Что вы о них думаете? – спросил Трехо.

– Изящная конструкция. Разместить батареи обороны на станции чужаков было блестящей идеей, – сказал Син. Горло сдавило нараставшее беспокойство. Такого ли ответа ждал Трехо? – При любом другом размещении рельсовым пришлось бы компенсировать отдачу двигателями. Но станция неподвижна. Или если она движется, то увлекает с собой все окружение. В любом случае на ней не приходится думать о третьем законе Ньютона. И, пока не закончатся боеприпасы, она способна отбивать атаку из любого кольца и даже нескольких сразу. Честно говоря, мне будет грустно видеть конец этой системы.

Трехо вздохнул.

– Верно, такое быстро не отстроишь. Но нам приходиться смотреть вдаль. Даже если на восстановление и испытание батареи уйдет не один месяц, останется она на века. Я сам бы не прочь перехватить их управление. Однако они – первая цель «Бури» в то время, как вы будете выводить из строя оборону станции. После чего произведете высадку и закрепитесь, – закончил адмирал.

– Да, сэр. С точки зрения логистики, после того как бу-

дет подавлена оборона станции и выведены из строя батареи рельсовых пушек, десантники «Предштормового», предположительно группа Рино, смогут за минуты захватить управление станцией. Завладев системами связи и доступом к пространству ступицы, мы легко возьмем в свои руки контроль над всеми коммуникациями и торговлей тринадцати сотен миров.

– Вам достался оперативный контроль над высадкой и закрепление на Медине. Силы готовы?

– Да, адмирал. Подготовка к миссии идет уже несколько месяцев, а командует моими силами безопасности полковник Танака. Ее уважают.

– Танака – это хорошо. И сплоченный личный состав – самое главное, – согласился Трехо. – Какие вы предвидите препятствия?

– Движение кораблей на переходе в пространство колец и из него непредсказуемо. Весьма вероятно, что там окажутся один или несколько кораблей, снабженных средствами обороны – не считая дюз, которые тоже можно использовать как оружие. Сколько и с каким вооружением, нельзя уверенно судить, пока мы не пройдем врата. Кроме того, станция Медина действует уже десятки лет, и ее назначение существенно отклонилось от первоначального. Наши сведения о ее конфигурации безнадежно устарели. Захватив управление, мы можем столкнуться с сопротивлением на местах, хотя, скорее всего, минимальным. Далее встанет вопрос со-

здания новой и совершенствования существующей инфраструктуры и координации потоков снабжения между менее освоенными и более обжитыми планетами. Включая систему Сол.

– Вот когда вам предстоит полетать за письменным столом, – заметил адмирал. – Думается, это будет для вас самой трудной частью командировки. Поди заставь сотрудничать тринадцать сотен склочных детишек.

– Верховный консул Дуарте еще в бытность свою в марсианском флоте написал книгу по теории управления торговыми потоками. Мы и сейчас изучаем ее в академии. Я готов настаивать на буквальном исполнении новых распоряжений.

– Не сомневаюсь в тебе. Дуарте чует таланты, а тебя он выбрал лично, – кивнул адмирал и указал на плавающую между ними диаграмму сводки. – И домашнее задание ты, как видно, хорошо подготовил.

– Да, сэр. – Син откашлялся. – Могу я говорить откровенно, сэр?

– По-моему, я уже ясно высказался на этот счет.

– Да, сэр, – признал Син, не слишком успокоившись. – В этой части плана я вполне уверен. А вот система Сол меня тревожит. Разведка сообщает, что коалиция Земля – Марс настойчиво переоборудует и отстраивает свой флот. И уровень готовности у них минимум предвоенный. Внешнее сопротивление нашим планам будет исходить от них. Да, корабли у нас новее, но их офицерский корпус имеет за спи-

ной две серьезных войны за последние десятилетия. Их опыт неизмеримо превосходит наш.

Адмирал помолчал, разглядывая его. Ярко-зеленые глаза так и впивались под кожу. Син не мог разобрать, доволен Трехо или разочарован. Но улыбка, показавшаяся на его губах, выглядела искренней.

– Опыт и действия на своей территории – их преимущество, тут ты прав. Но, по-моему, ты слишком беспокоишься на этот счет, – ответил адмирал. – «Буря» строилась с одной и только одной целью: обратить в ничто любые другие силы в обозримой части галактики.

Глава 9
Бобби

Они сидели на камбузе, расположившись обычным порядком: Амос с Клариссой рядом, Алекс через стол от нее. Холден чуть в стороне, а Наоми ближе к нему, чем к остальным. У Бобби тревожно напрягались ноги и горло, будто перед боем. Хуже, потому что перед боем наступает короткое затишье, а сейчас его не предвиделось.

На обед была – задумывалась – грибная лапша под черным соусом. Но все оторвались от еды, когда Холден, прокашлявшись, сказал, что хочет сделать заявление. Выложив свою новость, он сам с виду огорчился больше всех и прикрыл чувства разговором о делах и суммах. Итожил последние несколько лет и оценивал перспективы на следующие. Его решение сойти с корабля – вместе с Наоми. Предложение к Бобби сменить его и доводы в ее пользу. Все молча выслушали изложенные им подробности выкупа. Лапша на тарелках давно остыла и слиплась.

– Мы с Наоми забираем наличкой четверть своих долей на корабль, – говорил он, – а на остальное установим рассрочку на десять лет. Тогда на расходном счету будет приличная сумма. План выплат сделаем подвижным, чтобы, если в какой-то момент припрет, вы не пошли на дно вместе с нами,

а если все будет хорошо, вы сможете выплатить все раньше. Договор будет гибким.

Он считал, что так добрее. Что разговор о формальностях смягчит для них боль. Может, он и не ошибался. Бобби все оглядывала собравшихся, пытаясь ощутить, как они это приняли. Всем весом опершийся на стол Алекс – выражает агрессию или у него просто побаливает спина? И означает ли что-нибудь добродушная улыбочка Амоса? Когда она что выражала? Соглашаются ли они? А если не согласятся, тогда что? Беспокойство наждаком обдирало желудок.

– Ну вот, – заключил Холден. – Это наше предложение. Я помню, что мы уже голосовали по решениям такого рода, но если кто-то хочет разобраться или выдвинуть встречные предложения…

Молчание звенело громче колокола. Бобби стиснула кулаки и разжала, стиснула и разжала. Пожалуй, идея изначально была неудачной. Может, ей стоило…

– Ну, – вздохнул Алекс, – не знаю. Не назвал бы это неожиданностью, и все же мне грустновато.

Улыбка Наоми походила на привидение: есть и нет, но ошибиться невозможно. Бобби ощутила, как понемногу распускается стянувший нутро узел.

– Пока в капитанском кресле Бобби, – продолжал Алекс, – ничего, в сущности, не меняется. Она и теперь меня жучит. Так что я, конечно, за.

Холден склонил голову к плечу: жест, всегда выражавший

у него удивление и некоторое смущение, а Наоми опустила ладонь ему на плечо. Бессознательная телесная грамматика долгой близости.

– Ты знал заранее? – спросил Холден.

Алекс пожал плечами.

– Не такой уж ты загадочный. Давно вижу, как ты напряжен.

– Я что, незаметно для себя стал засранцем? – Холдену удалось высказать вопрос полушутливым тоном.

– Мы бы тебе заметили, – ответил Амос. – Но уже пару лет похоже на то, что у тебя зудит, а почесать некому.

– Рейс вышел дьявольски долгим, – перехватил Алекс. – Предложи мне кто двадцатку сверху, я бы сам сбежал.

– Только твоего флота уже нет, – усмехнулся Амос.

– Я просто хотел сказать, что долгий путь есть долгий путь. Я вас обоих люблю и буду скучать, но, если пришло время для перемен, тут уж ничего не поделаешь.

Улыбка Наоми стала чуть менее загадочной. Холден на несколько сантиметров откачнулся от стола. Воображаемые сценарии Бобби подразумевали в лучшем случае слезы и объятия. В худшем – гнев и упреки. А тут было облегчение, лишь немного окрашенное печалью. И она почувствовала… так и надо.

Она откашлялась.

– Когда вернемся на Медину, буду искать новых людей в команду. Спешить пока некуда, но если мне придется занять

больше двух коек, хотелось бы знать.

Алекс хихикнул:

– Мою не придется. Если жизнь меня чему и научила, так это тому, как я выгляжу вдали от пилотской кабины.

Пока меня не гонят, я здесь.

Бобби еще на градус расслабилась.

– Хорошо.

Когда она обернулась к Амосу, тот пожал плечами.

– У меня все здесь.

– Хорошо. Кларисса?

Кларисса прятала взгляд. Лицо было безразличным и бледным – сильнее обычного. Она давила ладонями на стол, словно удерживала его на месте. Словно что-то можно было вернуть на место. Улыбка у нее получилась вымученной, но все же она кивнула. Остается.

– Ну, – заговорил Холден, – м-м, тогда все в порядке. То есть, наверное, это все. Разве что у кого-то еще вопросы?

– Еще кто-то хочет подать дурной пример? – подсказала Наоми.

– Ну да, – промычал он, – хотя я имел в виду…

– Как вам такое предложение? – Алекс встал из-за стола. – Я схожу к себе в каюту и притащу виски, который приберегал до особого случая. Выпьем за Холдена и Нагату. Лучшего командного состава ни у кого не бывало.

Холден переменился в лице, глаза заблестели слезами, но все же он ухмыльнулся.

– Не откажусь.

Он тоже встал.

Алекс обнял его первым, потом Наоми своими длинными руками обхватила обоих. Бобби оглянулась на Амоса, ткнула пальцем в обнявшуюся троицу. *Нам тоже туда?*

Амос встал и шагнул к ним. Бобби последовала его примеру. Команда «Росинанта» долго не разжимала объятий. Через несколько секунд Бобби почувствовала рядом с собой Клариссу, легкую и нежную, как мотылек.

Строго говоря, ничего еще не произошло. Оставалось долгое плавание в невесомости до торможения у врат и до станции Медина за ними. Оставался в своей камере надутый и недовольный, но крепко запертый Хьюстон. Обязанности, расписание, привычки и обычаи были прежними. Изменился только смысл всего этого. Последний рейс вместе. Бобби казалось, будто изменилось что-то в самом ее теле.

Джеймс Холден всегда был странной личностью. Еще до их знакомства он подставил Марс. А потом сам же его спас. Если судить по тому, что думала о нем бóльшая часть человечества, он был самовлюбленный авантюрист или героический поборник свободы слова, орудие АВП или шальное ядро, ни перед кем не в ответе. И Бобби, впервые попав на «Росинант», не слишком о том задумываясь, смотрела на него так же. С тех пор, день ото дня, а порой и час от часу человек и его репутация отшелушивались друг от друга. «Капитан „Росинанта“ Джеймс Холден» – имя, с которым можно

вытворять что угодно. И знакомый ей Холден, который пил слишком много кофе, впадал в восторг по самым неподходящим поводам и вечно втихомолку переживал, как бы не потерпела ущерба его неподражаемая, непредсказуемая мораль. Две версии этого человека соотносились как тело и его тень. Да, они связаны. Связаны неразрывно. Но не одно и то же.

А теперь он уходил своей дорогой. И Наоми с ним. Наоми, так старавшаяся не стать важной персоной в глазах большого мира, всегда позволявшая занять место на сцене любимому, лишь бы самой не пришлось. Ее уход не изменит образ «Росинанта» в глазах посторонних, а вот Бобби сильнее ощутит ее потерю. Если Холден был лицом корабля для публики, то Наоми для Бобби стала человеком, которому можно довериться в будничной, день ото дня жизни. Если так сказала Наоми – значит, правда. А если и не совсем точно, то достаточно близко к истине, чтобы Бобби и другие могли уверенно положиться на ее слово.

После их ухода ничто не будет прежним. Бобби это огорчало. Но, к собственному удивлению, еще и радовало. Она поймала себя на том, что осматривает корабль, проверяя все, что было уже проверено, отмечая все неполадки: уровень давления газа падает чуть быстрее положенного, дверь потерлась, проводку пора сменить – и сам корабль тоже менялся. Теперь это был ее корабль. Она прикладывала ладонь к переборке и чувствовала пульс вентиляции – своего кораб-

ля. И когда просыпалась, пристегнутая к койке-амортизатору, даже темнота выглядела иначе.

Она была десантницей – всегда оставалась десантницей, даже когда перестала вписываться в эту роль. Перспектива занять капитанское кресло несла в себе угрозу и предвкушение – как раньше повод натянуть силовую броню. Как будто ее старый скафандр изменился от времени – вместе с ней – и превратился в корабль. Да, поношенный. Устаревший, но еще грозный. Весь в шрамах, но надежный. Он походил на Бобби – не только такую, какой она была, но и какой хотела быть.

Она поверила, что остальные – Алекс, Амос, Кларисса – действительно легко смирились с переменой. Прежде она бы на том и успокоилась. Но теперь это был ее корабль.

Теперь, когда ей предстояло стать капитаном, она обязана удостовериться.

Амоса она нашла в мастерской, на обычном месте. Он просматривал советы, как сохранить старый корабль в безопасном и пригодном к полетам состоянии. Белая щетина на макушке блестела под лампочкой – похоже, механик пару дней не брил голову. Они шли без ускорения, экономя реактивную массу, но Амос закрепился на палубе, словно ожидал внезапных перемен. Может, и ожидал, хотя бы просто по привычке. Его толстые, изрезанные шрамами пальцы барабанили по монитору, перескакивая от темы к теме в поисковой цепочке: структурный ремонт кружевных пла-

стин, зарастание микрофлорных восстановителей воздуха, автонастройка силовых сетей. Тысячи усовершенствований, появившихся благодаря изучению техники чужаков. Он во всем этом разбирался. За бодрой повадкой громилы легко забывалось, насколько Амос умен и работоспособен.

– Эй, верзила, – окликнула Бобби, придерживаясь за скобу.

– Хэй, капитан Бабец, – отозвался он.

– Как дела?

Амос оглянулся на нее.

– Ну, мне малость неспокойно за пластины, которые мы наложили у дюз в том депо на Стоддарде. Куча народу столкнулась с тем, что они отслаиваются при лучевой бомбардировке. На Медине я, пожалуй, вылезу за борт да гляну своими глазами. Не хватало, чтобы они раскрошились пахлавой, когда мы на них рассчитываем.

– Не хотелось бы, – признала Бобби.

– Кружевная обшивка хороша, пока хороша. – Амос снова отвернулся к экрану.

– А в остальном как?

Он пожал плечами, листая страницы.

– Как есть, я бы сказал.

Между ними воцарилось молчание. Бобби почесала шею, и тихое шуршание ногтей по коже перекрыло остальные звуки в помещении. Она не знала, как спросить, не беда ли, что Холден с Наоми от них уходят.

– А ничего, что Холден с Наоми уходят?

– Ба, – отозвался Амос. – А что? Тебя это тревожит?

– Немножко, – ответила Бобби, с удивлением обнаружив, что говорит правду. – То есть ты, помнится, сказал, что почуял это раньше Холдена. Думаю, все мы чуяли. Но ты много лет с ним летал.

– Это да, но я Холдена в первую очередь за то люблю, что он готов принять пулю за любого из команды. А ты, прямо скажем, уже приняла за нас пулю-другую, так что тут все без перемен, – пояснил Амос и, помолчав, добавил: – Вот с Персиком бы тебе поговорить.

– Думаешь?

– Угу.

Больше Амос ничего не добавил, и Бобби задом наперед вытолкнулась наружу.

Кларисса нашлась в медотсеке, на столе автодоктора. Трубки от бормочущей аппаратуры тянулись к катетеру у нее в боку, кровь вытекала из худенького тела и закачивалась обратно. Кожа цвета восковой свечки туго обтянула скулы. Все же Кларисса улыбнулась и приветственно вскинула руку, когда Бобби вплыла в дверь. Кларисса Мао была лучшим техником, с каким Бобби доводилось иметь дело. Она догадывалась, что эту худенькую женщину подстегивали гнев и отчаяние. Работой она сдерживала рвущуюся наружу темноту. Бобби такой мотив был понятен.

– Латаем на скорую руку? – спросила Бобби, кивая на пол-

ные кровью трубки.

– Ремонт не лучшего качества, – признала Кларисса, – но завтра буду на ногах, обещаю.

– Спешить некуда, – возразила Бобби. – У нас все в порядке.

– Знаю. Просто…

Бобби хрустнула костяшками. Автодоктор погудел сам себе и снова жадно потянул кровь Клариссы.

– Ты что-то хотела? – спросила та, заглядывая Бобби в глаза. – Ничего, можешь говорить.

– Я еще не капитан, – начала Бобби, – но буду. – Она в первый раз произнесла это вслух. Прозвучало так приятно, что захотелось повторить. – Буду. И на этом посту окажусь в ответе за тебя. За твое благополучие.

Она много лет не вспоминала свою роту. Свою старую роту. Хиллмана, Гураба, Тревиса, Саида. Свою последнюю команду до этой. На миг все они оказались рядом, невидимые, безгласные, но такие же реальные, как Кларисса. Бобби сглотнула и прикусила улыбку. Вот в чем дело. Вот к чему она все эти годы искала обратный путь.

Вот почему ей важно в этот раз не допустить ошибки.

– А если я в ответе за твое благополучие, – продолжила она, – нам надо поговорить.

– Хорошо.

– Это дело с твоими имплантами. Лучше не станет, только хуже, – сказала Бобби.

– Знаю, – кивнула Кларисса. – Я бы их удалила, только это меня убьет еще быстрее. – Она улыбнулась, приглашая Бобби улыбнуться вместе с ней. Превращая правду в подобие шутки.

– Когда вернемся на Медину, я буду нанимать новую команду, – объяснила Бобби. – Не совладельцев, как наши, а просто наемных работников. На место, остающееся после ухода Холдена и Наоми.

– Но ты и на мое место могла бы кого-нибудь нанять, – сказала Кларисса. Слезы, скопившиеся в глазах, выплеснулись, когда она кивнула. Автодоктор снова гуднул, закачивая в нее очищенную кровь.

– Если захочешь остаться на Медине – так и быть, – ответила Бобби. – Если хочешь остаться на корабле, тебе здесь рады.

В невесомости слезы не упали со щек. Поверхностное натяжение удерживало их, пока Кларисса не тряхнула головой, и тогда они разлетелись солеными шариками, чтобы со временем втянуться в вентиляцию, оставив в воздухе слабый запах горя и моря.

– Я… – мотнув головой, Кларисса беспомощно пожала плечами. – Я ведь думала, первой уйду *я*.

Она коротко всхлипнула, и тогда Бобби толкнулась к ней. Взяла за руку. Пальцы у Клариссы были тоненькие, но пожатие оказалось неожиданно сильным. Они не разжимали рук, пока дыхание больной не стало менее рваным. Кларисса под-

няла другую руку, тронула Бобби за плечо. На ее щеки отчасти вернулась краска, только Бобби не знала, раскраснелись они от переживаний или сделала свое дело медицинская аппаратура. Возможно, то и другое.

– Я понимаю, – сказала Бобби. – Тяжело терять людей.

– Ага, – кивнула Кларисса. – И… не знаю. Есть что-то неприличное в том, что это по Холдену. Понимаешь, да? Было бы из-за кого рыдать!

– Нет, – возразила Бобби, – нет нужды переводить это дело в шутку.

Кларисса открыла было рот и снова закрыла. Кивнула.

– Я буду скучать, вот и все.

– Знаю. Я тоже. И… слушай, если тебе сейчас неохота об этом говорить, я могу просто посмотреть твое досье насчет плана лечения и вариантов окончания жизни. Что бы там вы с Холденом ни решили, я приму с уважением.

Светлые тонкие брови Клариссы сошлись у переносицы.

– С Холденом? С Холденом мы этого не обсуждали.

Бобби чуть вскинулась от неожиданности.

– Не обсуждали?

– Мы о таких вещах не говорили, – пояснила Кларисса. – Я обсуждала с Амосом. Он знает, что я хочу остаться здесь. С ним. Если станет плохо, он обещал… помочь. Когда время придет.

– Хорошо, – сказала Бобби. – Это стоит иметь в виду.

«И такое, – добавила она мысленно, – надо тщательно до-

кументировать, чтобы в чужой юрисдикции кое-кто не сел за убийство. Какого черта Холден не озаботился?»

– Ты уверена, что Холден никогда с тобой об этом не говорил?

Кларисса покачала головой. Автодоктор закончил процедуру. Трубки, отсоединившись от катетера, благовоспитанными змейками втянулись в тело корабля.

– Ну и ладно, – решила Бобби. – Теперь я знаю. И сделаю для тебя все. Амос тоже.

– Спасибо тебе. И извини.

– За что?

– Я из-за Холдена и Наоми вздумала жалеть себя, – призналась Кларисса. – Не хотела бы никому доставлять затруднений. Я вернусь к работе.

– Каждый горюет как умеет, – ответила ей Бобби. – И каждый должен, отгоревав, волочь задницу на рабочее место.

– Есть, сэр! – Кларисса отсалютовала не без иронии. – Я рада… что мы поговорили.

– И я рада, – отозвалась Бобби, подтягиваясь за дверь.

«И не понимаю, почему этого давно не сделал Холден». Впервые у Бобби возникло чувство, что кое в чем – не во всем, но кое в чем – она будет капитаном куда лучше него.

Глава 10
Драммер

– Ладно, – кажется, в тысячный раз повторила Драммер, – но это естественный ход вещей или нет?

Камерон Тюр, советник по науке, был внушительного роста, но разболтанный, с выпирающим адамовым яблоком и поблекшей татуировкой на пальцах. Он работал в Союзе со времен президентства Тьона и оставался на том же месте при Уокере и Санджрани. При его возрасте и жизненном опыте Драммер ожидала от него взгляда сверху вниз, но советник держался скорее застенчиво.

И сейчас виновато хмыкнул.

– Хороший вопрос в семантическом смысле, – ответил он. – Где разница между созданием природы и созданием существ, развившихся в рамках природы, са-са?

– Трудный вопрос, – согласилась Эмили Сантос-Бака.

Она в совете представляла политический отдел. Официально не превосходила рангом остальных, зато лучше других ладила с Драммер, что обеспечивало ей положение «первой среди равных». Эмили была моложе Драммер ровно на два года. У них даже дни рождения пришлись на одно число, что внушало Драммер капельку приязни к этой женщине, даже когда та оказывалась занозой в заднице.

Драммер снова посмотрела на экран. Нечто чуть длиннее двух ладоней, изогнутое когтем или стручком, блестящее зеленым и серым в солнечном свете за стенами Гэльского комплекса на Фусане. Она промотала изображение назад, и молодой человек на нем ожил, с различимым щелчком состыковал один… коготь, стручок, или что там за чертовщина? – с другим, так что внутри осталось пустое место в форме миндалины. В отверстии моргнул свет, заплясали, намекая на что-то, формы. Молодой человек улыбнулся в камеру и повторил то же, что она слышала при каждом просмотре. «Наблюдение этого света вызывает чувство великого покоя и связи со всем живым в галактике, а также, по-видимому, стимулирует…» и прочая чушь. Драммер опять остановила запись.

– Миллионы таких? – спросила она.

– Пока да, – согласился Тюр. – Чем глубже уходит шахта, тем больше их попадается.

– Черт побери.

Миры колоний были довольно просты. Несколько домашних хозяйств, несколько поселений, отчаянное копание в местной биосфере в поисках чистой воды и съедобной пищи. Иные неудачливые колонии вымирали до прихода помощи. Другие сдавались, эвакуировались. Но многие пускали корни на камнях и неведомой почве далеких планет. И, найдя свою нишу, приобретали устойчивость. Тогда начинались серьезные исследования, волна открытий. Масштабные

подводные транспортные арки Каразона Заградо, изгибающие световой луч мотыльки Персефоны, программируемые антибиотики с Илоса…

Все чудеса сложности на Земле – продукт одной эволюции. Повторить этот подвиг тринадцать сотен раз было бы достаточно непросто, но вдобавок вмешались те загадочные виды, что создали врата протомолекулы, медленную зону, огромные вечные города, обнаружившиеся, кажется, на каждой открытой планете. Артефакты древних строителей, способных и готовых подверстать все живое на Земле к еще одной межзвездной дороге.

Все это могло оказаться ключом к невообразимым диковинкам. Или к катастрофе. Или к дерьмовой рекламе какого-нибудь плацебо вроде змеиного жира. Картинки в стручках могут быть шифрованными летописями погибших цивилизаций, создавших чудеса, к которым люди только подступались. Или спорами той дряни, что их погубила. Или соляными лампами. Хрен их знает.

– Научная станция на Кинли очень добивается образцов для исследования, – заговорила Сантос-Бака. – Но, не зная, что это: артефакты технологии или естественные образования…

– Что, – вклинился Тюр, – сложно установить, располагая только ресурсами Фусана…

– Это я понимаю, – перебила Драммер и переключилась на Эмили: – Разве такие решения принимаются в общем и

целом не в вашей рубке?

– У нас хватает голосов для принятия контракта, – ответила Сантос-Бака, – но перекрыть вето их не хватит.

Драммер кивнула. Вопрос был не столько в том, стоит ли пересылать психоактивные стручки чужаков из мира в мир, сколько в том, как бы кому не потерять лицо на собрании комитетов. Так принимаются великие исторические решения.

– Если мы не видим в них непосредственной угрозы, отправьте как чужие артефакты по протоколу безопасности третьего уровня и покончим с этим.

– Спасибо. – Сантос-Бака встала. Тюр почти сразу последовал ее примеру.

– Задержитесь на минутку, Эмили, – попросила Драммер, закрывая демонстрационное видео с Фусана. – У меня к вам еще один разговор.

Тюр вышел, закрыв за собой дверь, а Сантос-Бака опустилась на место. Ее равнодушная хмурость была напускной. Драммер выдавила улыбку. Получилось не лучше и не хуже остального.

– Знаешь, чему я научилась когда-то, работая с Фредом Джонсоном? – начала Драммер. – Не запускай дела слишком надолго. Всегда есть соблазн не трогать, пока не горит, но при этом ты рискуешь всю жизнь только и разгребать пожарища.

– Ты о структуре трафика, которую Земля с Марсом продвигают для Ганимеда?

У Драммер дрогнуло сердце. Она умудрилась забыть о насущном деле, и это напоминание ее придавило.

– Нет, я о проблеме «Росинанта». И ее связи с… – Она ткнула большим пальцем в пустой монитор, где только что прокручивалось видео со стручками. – Мы получили в руки губернатора планеты-колонии. Формально Ассоциация Миров еще не запрашивала его статус, но это лишь дело времени. Я так и вижу, как Кэрри Фиск потирает свои толстые пальчики. Очень неплохо бы разобраться с этим заранее.

– Вот оно что, – протянула Эмили. – Ну, у меня на этот счет состоялось несколько неофициальных разговоров. Идея запросить согласия ООН… ну, ее так просто не протолкнешь. Мы не для того так далеко ушли, чтобы снова спрашивать разрешения у правительства комочка грязи.

Драммер кивнула. Враждебность между внутряками и Поясом оставалась для нее главным препятствием в работе. А она и сама не видела много проку в коалиции Земля – Марс.

– Это понятно, – согласилась она. – И мне тоже не нравится. Но это позволит нам откреститься от новых уговоров Джеймса Холдена. Чего мне точно не надо – это чтобы тринадцать сотен миров увидели в нашем Союзе проблему. Втянуть в раскол ООН – хотя бы чисто номинально – означало бы разделить с ними ответственность. Пусть этот Хьюстон и его веселые разбойники гниют в тюрьме ООН, а мы тогда останемся просто извозчиками, доставляющими корабли с

места на место. Пленник – дело иное.

– Или, – поправила Сантос-Бака, – мы признаём факт, с которым только флиртовали с тех пор, как выбрались из голодных лет. И начинаем рассматривать Союз как правительство тринадцати сотен миров.

– Не желаю быть президентом тринадцати сотен миров, – возмутилась Драммер. – Я хочу управлять транспортным союзом, регулирующим движение через врата. А все эти планеты и спутники пусть себе занимаются своими делами, не влезая в наши. У нас и так рук не хватает.

– Будь у нас больше работников…

– Эмили, – объявила Драммер. – Знаешь, что наверняка не решит ни одной из наших проблем? Еще один комитет.

Пока Эмили смеялась, стол Драммер издал тихий звон. Тревожное сообщение от Вогана. Первоочередное. Она оставила его повисеть. Если дело не в том, что «Дом народа» вот-вот развалится на части, от лишней минуты не убудет. А если и разваливается, она ничем не поможет.

– Ты видела те же сводки по логистике, что и я, – продолжала Драммер. – Ожидать, что Союз возьмется определять политику целого…

Звонок повторился немного громче. Драммер, зарычав, стукнула по экрану: принять. Появившийся Воган, не дав ей времени рявкнуть, сказал:

– Сообщение с Лаконии, мэм.

Драммер уставилась на него.

– Что?

– Пришло предупреждение, что Лаконские врата активировались, – объяснил Воган. – Следом новое сообщение. Доклад с Медины поступил… – он отвел было взгляд, но снова посмотрел на нее, – четыре минуты назад.

– Открытой связью?

– Да, мэм. Только аудио. И нешифрованное. Сообщение для прессы.

– Давайте послушаем, – сказала она.

Зазвучал голос, тихий и теплый. Ей вспомнилось шерстяное одеяло из детства, одновременно уютное и кусачее.

Драммер ему не доверяла.

– Граждане объединенного человечества, к вам обращается адмирал Трехо, командующий флотом Лаконии. Мы открываем свои врата. Через сто двадцать часов мы выйдем в медленную зону для доставки на станцию Медина персонала и средств, обеспечивающих участие Лаконии в предстоящем великом прогрессе человечества. Мы надеемся на дружескую встречу. Повторяю сообщение…

– Ну, – начала Сантос-Бака и осеклась. – Вот уж чего не предвидела.

– Ладно. – Драммер заглянула в ее круглые глаза. – Собирай всех, Эмили.

Космический город «Дом народа» до сих пор оставался на орбите Марса, поблизости от Земли и Солнца, в чертовой дали от спутников Юпитера и Сатурна. Десять часов

ушло на то, чтобы услышать отклики всех экспертов Союза, и еще пять для полного их обзора и выпуска единого заявления. Любой вопрос, разъяснение, любые новые нюансы и протесты отняли бы примерно столько же времени. Бóльшую часть оставшихся до возвращения Лаконии ста двадцати часов Драммер отвела на ожидание ответов. Сообщения летали между планетами и лунами, космическими городами и станциями со скоростью света в вакууме, и ее чертовски не хватало.

Голос на записи определили как принадлежащий Антону Трехо, лейтенанту марсианского флота, ушедшему на Лаконию с отколовшимися кораблями после бомбардировки Земли. Да, голос могли подделать, но техническая служба склонна была считать его подлинным. Со станции Медина сообщали о всплесках света и излучения во вратах Лаконии – признаки соответствовали приближающимся с тормозным ускорением кораблям. Сколько их и какого типа, пока оставалось только догадываться.

Марс при внезапной и безнадежной попытке Свободного флота захватить власть лишился почти трети своих кораблей. Одни достались Свободному флоту в системе Сол, другие ушли на Лаконию. За минувшие с тех пор десятилетия Земля и Марс понемногу восстанавливали свои космические силы. Технологические прорывы, основанные на изучении чужих артефактов, – кружевные пластины, магнитные ловушки с обратной связью, компенсирующие инерцию ору-

дия точечной обороны – стали за это время обыденностью. Даже если корабли за вратами Лаконии сумели в деталях выяснить процесс производства, им еще понадобилось бы построить верфи и создать производственную базу. Тридцать лет без обновления – долгий срок.

Самым вероятным представлялся сценарий, по которому в банановой республике Дуарте что-то не заладилось, и пришлось восстанавливать связи, чтобы вытребовать, выклянчить или выторговать необходимое ему – или тому, кто теперь там у власти, – для выживания.

Драммер несколько зацепила особая отметка в рапортах разведки – спекуляции на тему судьбы активного образца протомолекулы, похищенного с Тихо во время войны. Она помнила тот день. Пришлось драться в собственных коридорах за собственную станцию. Она как сейчас ощущала ту холодную ярость – обнаружить предательство в своих же рядах! И как держался тогда лидер – Фред Джонсон.

Ей и теперь недоставало Фреда. Сидя в кресле перед терпеливо дожидавшимися ее внимания рапортами разведки на мониторе, Драммер гадала, как бы разобрался со всем этим он. Не только с Дуарте и Лаконией – со всем этим.

Ее монитор звякнул и высветил оранжевый флажок умеренной срочности. Новый доклад с Медины с уточненной аналитикой подписей двигателей по ту сторону врат. Шумно выдохнув, Драммер открыла сообщение. Данных, конечно, все еще не хватало, но, очевидно, зафиксированные двигате-

ли либо не числились в регистре, либо изменились настолько, что больше не соответствовали базе данных. Она пробежала пальцем по сопроводительному тексту – чтобы утомленный взгляд не терял строки. Во флоте Дуарте имелся по меньшей мере один корабль класса «Доннаджер». Судя по размеру дюзового выброса, возможно, вот этот. Постаревший, да. Износившийся. Но все еще грозная сила.

Она встала и потянулась. Боль начиналась между лопатками и уходила в основание черепа. Слишком засиделась за чтением докладов, которые следовало бы оставить Вогану. Как-никак переваривать информацию – главная его обязанность. Но и ее тоже. А себе Драммер доверяла больше, чем ему.

Она нашла на схеме корабля Эмили Сантос-Баку. Время было позднее, но ее молодая помощница тоже не уходила к себе в каюту. Система отыскала ее в столовой администрации. При мысли о еде пробудился желудок, забытый голод вспыхнул пожаром. Драммер быстро отстучала сообщение с просьбой подождать ее. Потом закрыла свой монитор, ввела пароль безопасности и вышла.

Коридоры Дома народа сохраняли ощущение новизны. Захваты для рук и ног на стенах еще не сносились, как на поживших кораблях и станциях. Все лампы светили неуловимо ярче, показывая, что установлены совсем недавно. Ничто пока не успело испортиться или поломаться.

Их огромный плавучий город еще настигнут приметы ста-

рости, но пока что он блеском и совершенством походил на молодой Сингапур. Хорошо налаженный город. Вытолкнуть бы его сейчас к самым звездам, и все было бы тик-так.

Она застала Сантос-Баку в обществе мужчины постарше, в сером тренировочном костюме. Тот кивнул Драммер, а когда та села, отошел. Эмили улыбнулась:

– Похоже, тебя не помешает подкормить.

– Обед был давно. Через минутку займусь. Ты доклады видела?

– Кроме самых последних – да.

– А что совет?

Эмили сосредоточилась, задумалась, замкнулась в себе, как игрок в покер. И заговорила осторожно, взвешенно:

– Довольно трудно проникнуться беспокойством из-за флотилии дряхлых марсианских кораблей под командой состарившихся на десятилетие капитанов. Честно говоря, я несколько удивлена, что там еще есть кто-то живой.

– Согласна.

– В голосовых характеристиках сообщения не просматривается признаков высокого напряжения. И никаких требований не предъявлено, по крайней мере пока.

– Знаю, Эмили. Читала рапорты. Я спрашиваю, что ты о них думаешь.

Сантос-Бака развела руками – старый, еще школьный жест, говорящий: вот она я, вся как есть перед тобой.

– По-моему, нам предстоит увидеть шайку эгоцентрич-

ных поганцев, сообразивших, что их славная независимость в изоляции ничего не стоит. Если позволить им не терять лица, может, найдем дорожку к реинтеграции. Только Марс может создать осложнения. Захочет вывести их на гору Олимп и там вздернуть как изменников.

– И мне так думается. Есть идеи, какой подход к ним найти по этому поводу?

– Я обменялась несколькими сообщениями с адмиралом Ха. Она землянка, но со связями в высшем командовании Марса, – ответила Сантос-Бака. – Все неофициально. И еще Маккалилл из службы безопасности.

– Само собой.

– Есть еще вероятность, что они попытаются прибегнуть к силе.

– С кораблями, которые десятилетиями не переоборудовались и верфи не видели? – напомнила Драммер. – А у нас рельсовые пушки прогреты и готовы наделать дыр в любом грубияне. И мы допускаем такую вероятность?

– Мы же не ставки делаем. Даже будь у них новехонький флот, захват наших рельсовых – непростая задача.

Драммер прикинула.

– Можно запросить пару кораблей поддержки, просто на всякий случай. Если выяснится, что Лакония нарывается на пинок под зад, я не стану посылать корабли за их врата. Зато проще будет выторговать то соглашение. Если Марс учует кровь и шанс отомстить, вдруг да коалиция ЗМ окажется

более заинтересована в укреплении сотрудничества и договоренностях?

– Это было бы совсем другое дело, – согласилась Сантос-Бака.

Приятно убедиться, что они с ней дуют в одну дудку. Драммер немного опасалась, что совет выдвинет собственную стратегию. Дрессировка котят входила в ее обязанности. Но, к счастью, не в этот раз. Она как могла уклонялась от чести стать политической силой. И уж точно не желала командовать военной. Если по ту сторону Лаконских врат намечается война, пусть ее ведет Марс.

– Ну и хорошо, – подытожила Драммер. – Ничего такого, с чем бы мы не справились.

Глава 11
Бобби

Втянувшийся в порт Медины «Роси» встретила служба безопасности, готовая взять Хьюстона под свою опеку. Бобби, пока пленника уводили, наблюдала за Холденом. В его глазах ей почудилась меланхолия. Последний поступок в роли капитана – сдать человека за решетку. А может, она вычитала в ситуации больше, чем в ней было. Без пресс-релиза, грозно обещанного Драммер, обошлось.

Потом все отправились в клуб. Наоми сняла для них отдельное помещение. Они пообедали искусственной говядиной со свежими овощами, сдобренными обогащенной минералами солью и острым перцем. Бобби не хотела напиваться до слезливости, но она одна была такая. Кроме еще Амоса. Тот смотрел на объятия, слезы и заверения в любви со стороны, как мамаша на дне рождения пятилетнего сына, – снисходительно, в готовности поддержать, но не вовлекаясь по-настоящему.

Поев, все отправились на клубную танцплощадку, танцевали, пели караоке и еще немного выпили. А потом Наоми с Холденом ушли в обнимку, шагая по коридорам Медины так, словно собирались вернуться. Только они не собирались.

Оставшиеся четверо, смеясь и болтая, вернулись в порт. Алекс цитировал реплики и разыгрывал сценки из своей коллекции неонуарных фильмов. Бобби с Клариссой его подначивали. Амос, ухмыляясь, плелся позади, но Бобби обратила внимание, как он осматривает коридоры на случай, как бы четверо подвыпивших старых дурней не нарвались на неприятности. Не то чтобы для опасений имелись причины. Просто уж такой он был. Бобби и заметила это потому, что сама в какой-то мере занималась тем же.

Вернувшись на корабль, они разбежались, разлетелись по своим каютам. Бобби задержалась в камбузе, прихлебывала свежесваренный кофе из груши, пока все не разошлись. До конца дня она хотела закончить еще одно дело, и притом наедине с собой.

Вокруг нее пощелкивал «Росинант», отдавая остаточное тепло движения абсолютному вакууму медленной зоны. Гудели воздуховоды. На Бобби снизошло ощущение покоя, как в детстве, в ночь после Рождества. Она позволила себе глубоко и размеренно подышать, ощущая корабль как собственную кожу. Допив кофе до последней капли, она выбросила пустую грушу в утилизатор и по коридору подтянулась к каюте Холдена. К капитанской каюте.

Своей.

Холден с Наоми все уже забрали. Шкафчики остались незапертыми, открытый капитанский сейф был очищен и ждал нового кода доступа. Двуспальная койка – ее так долго

делили Холден и Наоми – блистала чистотой. Едковатый запах свежего геля подсказал, что Наоми и его сменила перед уходом. Для нового жильца – новые простыни. Бобби вплыла в помещение, раскинув руки и ноги. Закрыв глаза, она вслушалась в особенную тишину этой каюты: чем она похожа на ставшую привычной за много лет? Чем отличается? К скобе Бобби потянулась, когда до захвата оставалось еще полметра. Каюта двойной площади, чтобы Наоми с Холденом могли жить вместе, стала привилегией капитана «Росинанта». Бобби улыбнулась этой мысли.

Сейф ждал пароля. Она ввела отпечатки своего большого пальца и двух указательных, потом набрала и проговорила вслух выбранный пароль – пусть система запомнит. Шестнадцать знаков, составленных в памяти и внешне ни с чем не связанных. Сейф, солидно щелкнув, закрылся, магнитные замки встали на место – теперь их не вскроешь без сварочного аппарата, да и то не быстро. Двигатель молчал, реактор заглушили, система жизнеобеспечения выдавала зеленый свет с запасом. Все как должно быть на ее корабле. Наверное, рассудила Бобби, пройдет время, пока она перестанет чувствовать себя самозванкой. Но пора привыкать. Ее корабль!

Ее дожидались четыре сообщения. Первые два – автоматические: одно подтверждало договор о стоянке в доке Медины и плату за использование, другое показывало списание с общего счета – крупный кусок, оторванный Холденом и Наоми. «Росинант» уже посылал к ней то, с чем обычно об-

ращался к Холдену. Третье сообщение поступило от диспетчерской Медины, а вот четвертое было личным. От Джеймса Холдена. Бобби открыла его первым.

– Привет, Бобби, – заговорил он, и голос в тишине прозвучал очень громко. – Решил оставить тебе записку. Я долго прожил на «Роси». Лучшее в моей жизни связано с этим суденышком. И многое из худшего тоже. И почти все, что я люблю. Не могу вспомнить во всех тринадцати сотнях миров людей, кому доверял бы, как тебе. Спасибо, что приняла у меня чашу сию. И если я когда смогу чем помочь – ты только скажи. Может, я больше не член команды, но остаюсь членом семьи.

Сообщение кончилось, и она отметила его для сохранения. Открыла другое, из диспетчерской. Молодой мужчина с черной-черной кожей и короткой стрижкой кивнул в камеру.

– Капитан Холден, я Майкл Симеон из службы безопасности Медины. Информирую вас, что, согласно договору с Союзом, «Росинант» призывается на обязательный контракт службы безопасности. Вам следует присутствовать на брифинге по предстоящему посольскому контакту с Лаконией. Место и время указаны в сообщении. Прошу подтвердить присутствие ваше или вашего представителя.

Бобби набрала ответ, оценила себя на экране, подумав, стянула волосы в узел и хмуро повторила:

– Говорит капитан «Росинанта» Драпер, – сказала она. – Я буду.

На десятой минуте брифинга Бобби подумала: «Ах вот почему он отказался от этой работы!»

Зал располагался в барабане станции. Прямо под неподвижной командной палубой. Столы в нем расставили рядами, как в дурной классной комнате, сиденья были жесткие, а встроенные держатели для напитков не слишком подходили к дешевым керамическим кружкам. На неудобных сиденьях кроме Бобби разместилось человек сорок: представители всех кораблей, находившихся сейчас в медленной зоне, – но ей и старшему помощнику с «Тори Байрона» достались почетные места. В первом ряду по центру. Места для отличников. Что ни говори, «Росинант» с «Тори Байроном» были в данный момент единственными боевыми кораблями в окрестностях Медины. Остальные – буксиры или грузовозы.

Выступал перед залом не тот, кто ей звонил, а его шеф. Онни Лэнгстивер возглавлял силы безопасности и на срок принудительного контракта оказывался, технически говоря, и ее боссом. Мединский мундир он носил, как поддевку водителя меха. Плечи пестрели от перхоти.

– В первую очередь мы стремимся не проявлять агрессии, – говорил Лэнгстивер, – но и пассивными выглядеть нежелательно.

Краем глаза Бобби зафиксировала, как остальные кивают. Бобби хотелось хрустнуть костяшками, но она, с тех пор как села, проделала это уже два раза, и пальцы не отзывались.

Лэнгстивер продолжал:

– На станции-ступице у нас, как всегда, размещаются рельсовые пушки, са-са? Так что, попробуй кто чего, хватит одной искорки, и мы… – Глава безопасности Союза перевозчиков сложил пальцы пистолетиком и губами изобразил: «пиф-паф». – Может, они обычные послы. Причалят, поговорят, лос политикос исполнят свой танец. Но если они что замыслили, мы готовы. Начинать не станем, но и не промахнемся, так?

Общий согласный ропот.

– Вам надо защитить орудия, – подала голос Бобби. – Гнезда рельсовых пушек на ступице – если они высадятся на поверхности…

– Савви, савви, – перебил Лэнгстивер, делая примирительные жесты ладонью. – Это «Тори Байрону», а?

– Нам бы нужно разведать, что вылезет из врат, пока оно не вылезло, – говорила Бобби, заранее понимая, что благодарности за эти слова не дождется. И все-таки, раз уж начала… – Дюжина отправленных за врата зондов могли бы передать, ждать нам линкоров класса «Доннаджер», нескольких миноносцев или просто челнока. К каждому варианту потребуется своя подготовка…

– Да, мы об этом думали, – согласился Лэнгстивер. – Но провокации нежелательны, да? И в любом случае для нас не так уж много меняется. Будем иметь дело с тем, с чем придется.

– Ну пошлите навстречу корабль с корзинкой фруктов, –

посоветовала Бобби. – Пусть приветствует на их территории и отчитается нам.

Лэнгстивер, прервавшись, уставился на нее. Бобби встретила его таким же взглядом. Зал притих на длину долгого вздоха. И еще одного. Безопасник первым отвел глаза.

– И корабль с командой тоже нельзя посылать. Правила Союза. Речь о рабочем соглашении, да? Вот мы и отправляем «Тори Байрона» в качестве почетного эскорта. «Росинант», держась в тени Медины, позаботится, чтобы никто не высадил незваных гостей. Остальные ждут в доках или отходят, освобождая дорогу от Лаконских врат до Медины. За каждую заминку Союз возьмет штраф. «Тори Байрон» получит полную оплату по контракту с силами безопасности. «Росинант», исполняющий роль прикрытия, три четверти. По стандарту.

Бобби задумалась, как бы поступил сейчас Холден. Произнес бы вдохновенную речь о том, как препятствуют разумной тактике правила Союза? Выразил бы одной улыбкой: «Вы мне не слишком-то по душе», а вернувшись на корабль, все равно сделал бы то, что посчитал нужным?

Или проглотил бы, решив, что дело не стоит драки?

Только теперь это ее дело, и, хотя Бобби не сомневалась в своей правоте, ей было очевидно, что не с ее места менять составленные Лэнгстивером планы. С тем же успехом можно биться лбом в каменную стену. Она не станет и пробовать, как бы ни тянуло развлечься.

– Понятно, – отозвалась Бобби.

И до самого дока не разжимала челюсти. Люди как люди. Они всюду одинаковы. Она сталкивалась с бюрократами в армии и позже, работая в службе поддержки ветеранов. Она нарывалась на них, когда Фред во время конституционного кризиса вытолкнул ее на пост марсианского эрзац-посла. А получив место на «Росинанте», она с удовольствием предоставила разгадывать дерьмовые дипломатические шарады с поцелуями и танцами Холдену, а иногда и Наоми.

И даже не в том беда, что ее волновал исход текущего конкретного задания. Просто можно было действовать лучшим образом, она им об этом сообщила, а они и не подумали следовать ее совету. И ее кораблю – ее людям – придется принять на себя часть ненужного риска. С таким положением дел она никогда не умела мириться.

«Наву», корабль поколений, не готовился принимать на стыковку множество кораблей. Став боевым «Бегемотом», он ждал их и того меньше. Но чего не было изначально, то добавили время и необходимость. Главные доки станции Медина располагались вне барабана, ближе к машинным палубам и давно молчащему двигателю, предназначенному веками уносить корабль к звездам. Причалы поменьше устроили на дальнем конце барабана, близ командных палуб, но те больше использовались для частных челноков и дипломатических встреч. «Росинант» приняли в главном доке, по соседству с «Тори Байроном», и к тому времени, как Бобби

запустила шлюзование, гнев ее начал остывать. Хоть бы и против шерсти, она свое дело сделает. Собственно, ничего другого ей и не оставалось.

– С возвращением, – через коммутатор приветствовал ее Алекс, едва закрылась внутренняя дверь шлюза. – Есть план?

– План – не высовываться и выяснить, не желает ли новый посол Лаконии продемонстрировать всем, как высоко писает на стенку, – ответила Бобби. – Главное досталось «Тори Байрону» и орудийным башням. Мы держимся на заднем плане и готовимся принять в теплые объятия абордажную команду, буде таковая объявится.

Она подтянулась мимо шкафчиков к лифту, поднялась к рубке. По мере движения голос Алекса в динамиках сменялся на настоящий, живой.

– Ну, спасибо, что не нас первыми подставляют под выстрел. В смысле если стрельба вообще будет. Признаться, я немножко надеюсь, что те что-то затевают.

– Это потому, что Дуарте с компанией – шайка изменников, заслуживших виселицу?

– И воров. Про кражу не забывай. И никого не предупредили, когда Свободный флот собрался поубивать несколько миллиардов человек. В смысле я всей душой за прощение, и что прошло, то прошло, но это легче глотается, когда все мерзавцы передохли.

Бобби пристегнулась.

– Может, это и не люди Дуарте. Откуда нам знать, его могли лет пятнадцать назад зарезать в ванне.

– Надежда всегда есть, – согласился Алекс. В полутемной рубке его лицо освещалось главным образом отблесками мониторов. – Я снова перевел «Роси» на режим «команда четыре человека».

– Мало, – возразила Бобби. – Нам нужно больше.

– До вас с Клариссой мы много лет так обходились. Кто бы подумал, как хорошо получается. Эй… слушай, пока есть шанс, что кто-то ткнет в Медину палкой, можно я буду держать Наоми с Холденом на корабельном канале, на всякий случай?

Бобби замялась с ответом. С одной стороны, она вставала на дыбы при мысли, что кто-то не участвующий в деле будет оставаться на связи. С другой – это же Холден и Наоми, отрезать их тоже получилось бы странно. Алекс ждал ответа. Она отмахнулась, будто задумывалась о чем-то постороннем.

– Можно, конечно. Своя же семья.

Легкая улыбка Алекса говорила, что он ждал такого ответа и рад, что высказан он в таком тоне. Бобби вывела на связь Амоса и Клариссу.

– Ну вот, все. Предполетная проверка. Давайте-ка по местам.

Медленная зона: врата, станция Медина и чужая станция-ступица с рельсовыми пушками – была крошечной в сравнении с величием космоса. Она занимала меньше объе-

ма, чем Солнце, и, говоря наугад, энергии на поддержание работы и стабильности врат тратила примерно столько же, только управляли этой энергией силы, в которых ученые все еще не могли разобраться. А между вратами – темнота, куда уходили материя и энергия и откуда ничего не возвращалось взамен. Не-пустота за вратами вызывала у Бобби легкую клаустрофобию – ведь для передвижения оставалась лишь сфера в миллион кэмэ поперечником.

Даже при таких умеренных расстояниях станция Медина была мелковата, чтобы рассмотреть ее на мониторе в реальном масштабе. Так что Бобби выделила половину экрана системе целиком: с вратами, «Роси», «Тори» и гнездами рельсовых, – а на другой открыла окна поменьше с «Роси» в узкой как иголочка тени Медины, с «Тори Байроном» и с Лаконскими вратами. Счетчик отмечал минуты и секунды до названного этим адмиралом Трехо срока перехода. Плечи у Бобби свело. Она чувствовала себя как в мгновения между броском костей и их остановкой. Возбуждение игрока. Ей не нравилось, что ей это так нравится.

– Датчики Медины что-то принимают, – сообщила из машинного Кларисса.

– Давай мне, пожалуйста, обновления, – попросила Бобби, и схема с Лаконскими вратами переключилась на живое видео самих врат, раскрашенное, чтобы выделить хоть что-то вразумительное в их темноте. Жуткий круг врат. Колеблющиеся звезды за ними и надвигающаяся грозная тень. Уже по

затемнению звезд Бобби распознала большой корабль. Может, их «Доннаджер». А это само по себе представляло многозначительное заявление.

По меньшей мере.

Корабль, показавшийся первым, выглядел *не так*. И не только из-за странной полуорганической формы. Псевдоцвета смешались, пытаясь разобраться в свойствах его поверхности, и оттого картинка напоминала карандашный набросок или сновидение. Бобби поймала себя на том, что ищет глазами швы между пластинами обшивки – и не находит. Разум силился воспринять увиденное как корабль, но все сбивался на память о древних морских чудовищах из глубин земных океанов.

– Этот не из наших, – вскинулся Алекс. – Черт, где они такой взяли?

– Мне это не нравится, – сказала Кларисса.

«Мне тоже, сестренка», – мысленно ответила ей Бобби.

Капитан «Тори Байрона» по диспетчерскому каналу вызывал это лаконское черт-те что, приказывая ему полную остановку. Бобби кивнула экрану, усилием воли призывая Трехо ответить. Вступить в нормальное взаимодействие. Но странный корабль уверенно и невозмутимо держался на курсе. По ту сторону врат расцвел еще один дюзовый выброс. Гораздо меньше первого, но все же на подходе был и второй корабль. Миг спустя загорелся главный двигатель «Тори», корабль двинулся наперехват. На вид – домашний кот гото-

вился бросить вызов льву.

– Последнее предупреждение! – объявил «Тори Байрон».

Монитор Бобби выдал обновление. «Тори Байрон» поймал большой корабль в прицел…

И пропал. На месте, где только что был «Тори», расплывалось искрящееся облачко материи столь странной, что датчики «Роси» не знали, что и думать.

– Какого хрена? – выдохнул Алекс. – Это они стреляли? Я никакого выстрела не видел!

В животе у Бобби собралось столько свинца, что ее даже в невесомости тянуло вниз. Она открыла канал связи с командой рельсовых, еще не осознавая, что собирается сказать, и в нарастающей уверенности, что, даже успей она с вызовом, этого будет мало. Тут все будет мало. Но в таких делах иначе нельзя. Отдаешь приказ сражаться, даже если бой безнадежен.

– Огонь, огонь, огонь! – выкрикнула она.

На экране рельсовая пушка выплюнула ядро.

Глава 12
Холден

Офисы Союза перевозчиков скрывались на глубине трех уровней в толще стен барабана Медины. Сила Кориолиса здесь ощущалась чуть меньше, чем в самом барабане, зато в металлических каморках не было даже экранов, создающих иллюзию окна. Холден не знал, почему это угнетает его больше, чем такие же каморки на корабле. Наоми сидела рядом, просматривая новости на ручном терминале и не замечая мрачного окружения. «Росинант» исполнял обязательства по принудительному контракту со службой безопасности. Первая командировка с их ухода. Быть может, это и придавило Холдена.

– Форма четыре тысячи одиннадцать D переводит ваши обязательства и будущие контракты на Роберту В. Драпер и утверждает ее в должности капитана «Росинанта», а также президента «Росикорп» – корпоративной единицы с регистрацией на Церере.

Представительница Союза перевозчиков, обрабатывавшая документы, подала Холдену непривычно большой терминал – на подпись. Лицо у нее было стянутое, между бровями и у губ глубокие морщины, а волосы топорщились короткой щетиной, выкрашенной в пламенно-алый цвет. Холдену

она показалась похожей на недовольную рыбу-собаку, но такое нелестное мнение было отчасти вызвано горами бланков, которые его вынудили заполнять. – Вам известно, – спросила Рыба-собака, – что это изменение статуса – временное, до законной регистрации перехода права собственности?

– Мы отсюда сразу в банк, там и оформим кредит на продажу корабля.

– М-м-м, – промычала Рыба-собака, выразив одним звуком глубокий скепсис.

Заполняя очередной бесконечный бланк, Холден прислушивался к тихому голоску терминала Наоми. Он разбирал одно слово из трех, но жаркая дискуссия определенно касалась приближения лаконских кораблей.

– Луна, – сказала Наоми.

– На Луне что-то случилось?

– Нет, я хотела сказать, попробуем начать с Луны. Там проще будет подобрать место консультанта, им достается много работы с Земли.

– Не уверен, что я… – начал Холден.

– Не ты. Я. Я могу консультировать. И тамошняя сила тяжести по мне. А ты мог бы заскакивать в колодец, если захочешь навестить родителей.

– Верно.

Родители у него приближались к вековой отметке, и хотя, к счастью, все были еще в хорошей форме, Холдену не хотелось бы гонять их на орбиту ради встречи с сыном.

– И отсюда подальше, – добавила Наоми, тыча пальцем в свой экран.

– Тоже неплохо, – согласился он и передал Рыбе-собаке заполненный бланк. – Хотя мне нравилась мысль о пышной декадентской роскоши Титана.

– Когда у нас будет запас средств на ближайшие три десятка лет, – сказала Наоми и добавила: – Два часа.

Холдену не пришлось спрашивать, о чем речь. Два часа до появления из врат первых за десятилетия представителей Лаконии.

– Здесь у нас все?

Рыба-собака признала, что все.

– Я бы не прочь выпить, – сказал Холден. – Выпьем и великое явление посмотрим на экране бара, что ли?

Так они и поступили.

Вышло не лучшим образом.

Холден бежал через открытое пространство барабана, в сторону лифта к командному центру Медины. Адреналин, выброшенный в кровь, только разгонял сердце, не прибавляя скорости ногам. С неестественной отстраненностью подумалось, что все точь-в-точь как в былых кошмарах. Добравшись до лифта, он нажал кнопку вызова и мысленно приказал двери: открывайся!

– Огонь, огонь, огонь! – орала Бобби по групповому каналу «Роси». Голос из динамика терминала звучал громко, но без паники. Командный голос. На экран Алекс переслал

ему тактическую схему. Три рельсовые пушки с центральной станции обстреливали тяжелый корабль лаконцев. Все выстрелы поражали цель, пробивая обшивку, но пробоины затягивались почти мгновенно. Это не походило на систему контроля повреждений. Это походило на заживление ран.

Холден уже видел такое почти мгновенное заживление. Только не на человеческих конструкциях. Воистину, дело было плохо и походило на кошмар.

– Бобби! – рявкнул он в терминал. – Оставь корабль…

Он не закончил, потому что экран полыхнул и погас. Медина буквально содрогнулась. Вся станция дернулась и зазвенела колоколом.

– Джим… – закончить Наоми не сумела – сорвала дыхание на бегу. Она астерским жестом показала: «Положение чрезвычайное. Искать убежища?» Здравый вопрос. Если лаконцы начали дырявить Медину, неплохо бы попасть в герметичное помещение с автономным запасом воздуха.

– Иди поищи, – отозвался он. – Мне надо в рубку.

– Зачем?

Опять же здравый вопрос. «Затем, что я отвоевал в трех больших войнах, – подумал он. – Затем, что управляющие этой станцией астеры – из тех, кто не пристал к Свободному флоту Марко, а значит, никто из них не бывал в таких переделках. Им понадобится мой опыт». Все это было истинной правдой и, наверное, вескими причинами. Но вслух он ничего не сказал, потому что не сомневался: Наоми видит на-

сквозь его настоящую правду. «Потому что творится что-то ужасное, а я не умею держаться в стороне».

Дверь наконец распахнулась, кабина, признав в нем капитана на службе Союза, допустила Холдена к управлению. Поднимаясь, тот ощутил, как сменяется неровной боковой тягой и вовсе исчезает сила тяжести. Лифт открылся в коридор, памятный Холдену по бою под огнем – тех времен, когда люди только отыскали путь в систему колец. Потрясающий момент человеческой истории, проход сквозь стабильную червоточину в созданную чужой цивилизацией сеть межзвездных врат, обернулся перестрелкой. И вот опять: группа, десятилетиями изолированная от человечества, возвращается в общество, где дела идут вроде бы неплохо. И что они делают? Стреляют.

Терминал Холдена негромко звякнул, снова подсоединяясь к сети. И почти сейчас же на нем возникло лицо Алекса.

– Ты еще там, кэп?

– Да, подхожу к рубке Медины. Они подбили станцию? Тревоги по утечке здесь не вижу…

– Они стреляли по… – начал Алекс и передумал: – Проще показать. Смотри, что за дерьмо.

– Минутку.

Холден ударил ладонью по стенной панели, дверь отъехала в сторону. Он втянулся в центр управления.

Дежурный офицер вскинула руку.

– Вам сюда нельзя, сэр. То есть капитан Холден. Сэр.

– Кто здесь сейчас старший?

– Я.

Холден с ней уже встречался. Дафна Кол, хороший техник. Стажировалась по инженерной специальности на Тихо. Идеальный сотрудник для мирных дежурств на станции вроде Медины. А сейчас абсолютно не в своей стихии.

– Холден, – напомнил о себе Алекс, – ты еще здесь?

Холден развернул свой терминал, чтобы видно было и дежурному офицеру.

– Давай, Алекс.

На экране тяжелый лаконский корабль выплывал из врат. Ромбовидной формы, широкий, без плавных закруглений и со множеством асимметричных выступов на боках. Как будто его вырастили, а не собирали на верфи.

Прямо в кольце врат он медленно остановился. «Тори Байрон», которому Союз перевозчиков поручил оборону Медины, приближался к нему. Холден не видел и не слышал, но представлял град запросов и требований, которыми крейсер осыпал лаконцев. А потом, так внезапно, что это выглядело ошибкой графического редактора, «Байрон» превратился в быстро расплывающееся облачко перегретого газа и металлических обломков. На заднем плане Бобби рявкнула: «Огонь, огонь, огонь!» – и в дело вступили рельсовые пушки станции-ступицы.

Изображение задергалось, и вырванные с мясом рельсовые закувыркались, превращаясь в полете в облачка керами-

ческих осколков.

– Это вы почувствовали на себе, – пояснил Алекс. – При втором выстреле из их орудия тряхнуло все корабли в зоне и выбило половину электроники.

– Что за хреновина? – выговорил Холден.

Алекс не ответил, зато лицо его было красноречивее пожатия плечами.

– Ладно. Как я понял, Бобби оставила вас прятаться в радарной тени станции – раз я с вами говорю и вы еще живы?

– Ага, – согласился Алекс. – Она, похоже, сильно не любит безумств.

– Я посмотрю, что видно отсюда, и свяжусь снова.

– Подтверждаю, – кивнул Алекс. – «Роси», конец связи.

* * *

– Магнитное? – Наоми умудрилась совместить в интонации властность и полное недоумение. «Вижу, что вижу, но не верю глазам своим». Она проплыла по рубке к одной из панелей и присоединилась к работавшему за ней технику. – Выглядит неправдоподобной силы магнитным полем, сведенным в узкий луч.

– Такое возможно? – жалким голосом вопросила дежурный офицер.

– Только если определять «возможное» как «уже случившееся», – не оборачиваясь, ответила ей Наоми.

– Значит, все металлическое под угрозой, – вставил другой технарь.

– Не только металл, – сказал Холден и толкнулся к Наоми, посмотреть выведенные ею данные.

– Все обладает магнитным полем, – уточнила Наоми. – Обычно таким слабым, что можно не брать в расчет. Но при мощности этого луча оно способно настрогать на спагетти даже атомы водорода. Порвет все, что окажется в его пределах.

– И защиты не существует, – добавил Холден и обмяк.

Будь здесь сила тяжести, лучше бы рухнул в кресло.

– Вот что и встряхнуло Медину, – сказала Наоми. – Прошедший рядом луч. Чтобы удержаться на месте, понадобилось задействовать маневровые.

– Холден, здесь Драпер, – ожил терминал.

– Холден здесь.

– Похоже, этот здоровенный ублюдок нас игнорирует, пока мы сидим тихо и не задействуем оружия.

– Добрый знак, – решил Холден. – Значит, не собираются перебить всех до единого. Просто показывают, что уничтожат любую угрозу.

– Показали яснее ясного, – признала Бобби. – Но имей в виду, есть второй корабль, поменьше. И тот направляется к Медине.

– Тактическая оценка?

– Судя по тому, как они разобрались с нашей оборо-

ной, – сказала Бобби, – поручусь, что они возьмут станцию штурмом, займут рубку и машинный, полностью перехватят управление. Если их штурмовая группа вооружена на манер того корабля, справятся быстро.

– Подтверждаю. Постараюсь свести потери к минимуму. Жди вызова. Холден, конец связи.

– Возьмут штурмом? – повторила Наоми, судя по голосу, не ожидая ответа.

– Высадят стрелковые команды по всем точкам доступа, захватят центры, сеть питания и жизнеобеспечения, – отозвался Холден, подвинувшись, чтобы дать ей место. И обернулся к Дафне Кол. – По-моему, пора вам вызывать всех подряд. Переводите все филиалы Союза в космосе и на планетах в режим строгой охраны, но велите держаться тихо. Не бряцать оружием. Сообщите, что мы не пытаемся дать отпор захватчикам. Это бы только погубило людей и, возможно, взбесило бы то чудовище в обличье корабля.

– Да, сэр, – согласилась Дафна Кол. – Вы принимаете командование?

– Нет, не принимаю. Но это надо сделать, и не откладывая. Так что исполняйте. Пожалуйста.

Лицо у нее немножко вытянулось. Так надеялась, что явился кто-то, облеченный властью. Знающий, что делать.

Холден распознал и надежду, и разочарование.

– Мы что, вообще не будем драться? – спросила Кол.

Холден кивнул на экраны. На пыль, оставшуюся от «Тори

Байрона» и орудийных башен. Кол отвела взгляд.

И все же слово «нет» не шло у него с языка.

– Пока нет, – сказал Холден.

Наоми уже собрала у всех техников в рубке личное оружие и теперь складывала его в ранец. «Пока нет».

Второй корабль, на глаз Холдена, размером походил на истребитель. Он медленно приближался к Медине, снимая торпедные аппараты и ОТО одиночными, аккуратными выстрелами рельсовой пушки, а затем выбросил дюжину марсианских абордажных ботов.

Кол тем временем последовала совету Холдена, передав всем кораблям приказ не оказывать сопротивления. Дожить до боя как-нибудь в другой раз. Закончив последний разговор, она вроде бы поколебалась немножко, потом развернулась, плюнула на палубу и вывела что-то вроде интерфейса службы безопасности.

– Что вы делаете?

– Вычищаю систему безопасности, – ответила она. – Данные переписи, личную биометрию, планы палуб, отчеты. Остановить гадов мы не сумеем, но и облегчать им жизнь не обязаны.

– Фо бьен, – одобрила Наоми.

Холден задумался, сумеют ли силы захватчиков проследить, кто принял это решение. Надеялся, что не сумеют.

Каждый десантный бот нес группу в восемь стрелков в силовой броне необычного дизайна – похоже на скафандр

Бобби, но с другой конструкцией суставов и ярко-голубого цвета, так что казалось, их выловили из моря. Десантники действовали методично и профессионально. Туда, где им открыли, они вошли, не причинив ущерба. Наткнувшись на запертые двери, взламывали их с беспощадной эффективностью, взрывая герметизацию и оттаскивая пластины одним заученным движением. Безоружных гражданских обходили, сделав только предупредительный жест: не сопротивляться. Несколько раз наталкивались на героев, вздумавших дать отпор, и тогда убивали тех, кто представлял опасность, – и никого больше. Единственное утешение – откровенной бойни не случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.